

A man with long, wavy blonde hair and blue eyes, wearing a white shirt and a light-colored jacket, stands behind a woman. The woman has brown hair styled in an updo, blue eyes, and is wearing a blue, off-the-shoulder dress with lace detailing. She is also wearing a blue necklace and earrings. They are both looking towards the camera. The background is a blue, ethereal setting with a large, ornate window or doorway in the background, suggesting a fairytale or fantasy theme.

Наталья Владимирова

**Сказка
для попаданки**

Наталья Владимирова

Несказка для попаданки

<https://litres.ru/73238963>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня забрал в свой мир невероятно красивый маг, носит на руках, объясняется в любви и утверждает, что я – его половинка. Не сказка ли? Увы, нет. Я лишь донор магии, которая дается каждой девушке при переходе сюда, на Гзон, из других миров. Как я буду жить с разбитым сердцем после того, как исполню свое предназначение и увеличу магический потенциал своего мага, никого не интересует. И все-таки я переиграю равнодушных мужчин. Найду и друзей, и любимое дело, и личное счастье!

Содержание

Часть первая. Академия триединства колдовства	4
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Наталья Владимирова

Несказка для попаданки

Часть первая. Академия триединства колдовства

Глава 1

Всем известно, что новогодние снежинки исполняют любые желания. Загадаешь — и чудо свершится. А чудес мне как раз в жизни и не хватало. Настолько опостылело серое, ничемное существование, что единственная мечта и осталась о том, как все волшебным образом возьмет и переменится. Само. Ну или с легкой руки прекрасного принца, взаимно влюбленного в меня до дрожи в коленях.

И вот, стоя посреди улицы и прихватив губами кусочек воздушного кружевного чуда, я пожелала обрести любовь. Настоящую, не признающую границ или компромиссов. Страстную и нежную. Верную и вечную.

Подставив лицо пушистым хлопьям, которые так и сыпались из низких темно-серых туч, словно из разорванной перины, я замерла на миг, вспомнив первую и, как часто бы-

вает, несчастную любовь. Он жил по соседству, этот вихрастый обаятельный мальчишка. Широкая веселая улыбка не сходила с озорной шkodливой мордашки. С первого дня знакомства мы с ним оказались на одной волне: детские проказы и секреты от взрослых, дворовые игры и любимые сладости, прогулы школьных уроков, а затем и закономерные наказания — все делили на двоих. Мы подрастали, отношения становились серьезнее. Никто не сомневался, что, как только оба получим высшее образование, непременно поженимся. Отец готовил будущему зятю место заместителя в своей фирме. В центре города трехкомнатная квартира со свежим ремонтом ждала заселения молодоженов. Я летала на крыльях любви и верила в светлое будущее.

Но судьба распорядилась иначе. Родители погибли в автокатастрофе, имущество семьи ушло на покрытие откуда-то взявшихся долгов, а жених нашел мне замену. Вот так все просто и горько.

Отношения с противоположным полом у меня с тех пор не клеились, из-за чего и оказалась я стоящей на улице с раскрытым ртом, ловя снежинку и загадывая желание накануне Нового года. Хочется счастья! Радости! Сказки, в конце концов!

Вот только непраздничное какое-то настроение. Совсем не трогает душу хрустальная красота заснеженных улиц, которые раньше я бы не преминула несколько раз обойти и полюбоваться запорошенными кустами, покрытыми изморо-

зью деревьями, веселыми снеговиками, слепленными ребятами. Оставляют равнодушной сверкающая повсюду иллюминация и новогодние украшения, развешанные там и сям. Не вызывают умиления толпы людей, спешащих в последние часы перед праздником купить подарки близким и деликатесы к столу.

Да и откуда ему взяться, настроению-то, когда с утра вместо ожидаемых поздравлений начальник пропесочил всех менеджеров за снизившийся объем продаж и лишил законной премии, в магазинной толчее со старенького пальто оторвалась пуговица, а подъездный лифт застрял на девятом этаже, из-за чего пришлось подниматься пешком по немывтым ступеням, из последних сил таща небольшой, но почему-то ставший невероятно тяжелым пакет с продуктами. Ладно, бог с ними, с пуговицей и премией. Сейчас приду домой, напьюсь горячего чаю с бутербродами и занырну в пенную ванну.

Однако и тут ждал сюрприз. Не успела зайти в квартиру и опустить пакет на пол, как мир вокруг меня исчез, погрузившись в полную темень. Электричество забрали. Вот тебе, Яся, и чай, и ванна! Да что же за невезуха-то сегодня такая?

Не раздевшись, как была — в обуви и пальто — протопала к тумбочке, где как раз на такой случай припасены спички со свечой. Увы, в стареньком многоквартирном доме казусы с электричеством случались нередко, вот и пришлось сделать стратегические запасы. Интересно, сегодня надолго перебои

со светом? Все-таки праздник на носу.

При свете уличных фонарей, который разливался по полу кухни и почти совсем не попадал в коридор, а потому практически на ощупь я нашла заветный коробок. Чиркнув серной головкой о потертый бок картона, добыла-таки огонь и подожгла стоявшую в старинном канделябре, оставшемся от покойной тетки, свечу. Ну теперь можно и раздеться. Хотя стоп! Что это?

Боковое зрение засебло какое-то движение. Я резко развернулась и уставилась перед собой. Отражение в зеркале пошло рябью, переливаясь непривычными глазу цветами. Обман зрения? Завораживающе. Я заинтересованно шагнула ближе и протянула руку. Казалось, от зеркальной поверхности исходило странное тепло. От центра двигались уже крупные волны, и я, сгорая от любопытства, коснулась-таки зеркальной поверхности. В ту же секунду из тумана появилась крепкая мужская рука и, обхватив мое запястье, с нечеловеческой силой дернула на себя.

Мгновение, и я оказалась целиком втянутой в туман зазеркалья, а спустя миг сидела на ковре в незнакомой комнате. В огромном, во всю стену зеркале медленно исчезало изображение квартирки, знакомых вещей и пакета с продуктами, из которого вывалился одинокий мандарин, так и оставшийся лежать на полу коридора.

Картинка схлопнулась. Теперь в массивной резной раме показывали другое кино: невзрачная шатенка двадцати ше-

сти лет, в потертом пальто из секунд-хэнда и стоптанных сапогах, сидела у ног высокого молодого мужчины. На себя смотреть у меня не было никакого желания, причем уже давно. Чего я там не видела? Волосы собраны в хвост, ничем не примечательная фигура и потухший безнадежный взгляд. А вот внешностью темноволосого незнакомца стоило полюбоваться. Про таких говорят — красив, как бог.

Густые, до плеч смоляные волосы собраны в низкий хвост и перетянуты лентой. Лучистые ярко-синие глаза в обрамлении длинных, по-девчоночьи загнутых вверх ресниц. Темные брови. Прямой нос. Чувственные губы. Выразительные скулы и мужественный подбородок с ямочкой. Я громко сглотнула, мазнув взглядом по крепкой шее, переходящей в широкие плечи, утянутые расшитым золотом камзолом. Тонкая талия, отягощенная усыпанным драгоценностями поясом, к которому на цепочках прикреплены несколько разномастных мешочков. Длинные мускулистые ноги в средневековых лосинах и мягких замшевых туфлях странного кроя.

С восхищением я осматривала мужчину снова и снова, так и не сумев отвести глаз хотя бы ради приличия. Таких образчиков идеальной внешности мне не доводилось встречать ни разу. На мгновение показалось, что в его усмешке, искривившей губы, мелькнуло торжество. Но тут же он склонился надо мной и протянул крупную ладонь.

— Как ты, рыбонька моя? — В его голосе прозвучали за-

бота и участие. А сам голос, о боже, бархатный, нежно задевающий самые чувствительные струны души.

Кажется, меня о чем-то спросили. Но вот засада, не знаю о чем.

— Мм?..

— Как себя чувствуешь? Нигде не болит? Голова не кружится?

Кружится, еще как. От такого мужчины как может не закружиться?

И если всего несколько секунд назад я от растерянности и непонимания ситуации, в которую попала, готова была сыпать ругательствами, то теперь смогла лишь смущенно пролепетать:

— Кажется, нормально.

Меня подняли на ноги, помогли снять пальто и со всей предупредительностью галантного кавалера усадили в мягкое кресло. Что происходит? Я сплю? Ой, кажется, произнесла это вслух.

— Нет, это не сон, рыбонька. — Мужчина с мягкой улыбкой подал мне бокал янтарного вина. — Давай выпьем за встречу, и я расскажу все по порядку.

О да! Говори, говори, и я готова сделать для тебя все, что угодно. Только не замолкай! От одного твоего голоса по телу бегут щекотливые приятные мурашки.

Я пригубила ароматный, но чересчур сладкий напиток. Всегда недолюбливала спиртное, но в этот раз отказаться не

посмела. Под настойчивым выжидающим взглядом мужчины залпом выпила до дна.

— Умница, девочка.

Довольный незнакомец принял от меня пустой бокал и только тогда одним махом проглотил собственную порцию. Запрокинув голову, он обнажил горло. Кадык дернулся, делая глотательное движение, что вызвало во мне жгучую потребность прикоснуться к длинной крепкой шее языком, почувствовать запах, ощутить вкус кожи на своих губах. Странное, необычное желание взволновало и напугало меня.

— Что все-таки происходит?

В моем голосе проявились истерические нотки? Какая досада, так не хочется огорчать этого приятного и доброго мужчину. А он огорчен, вон в уголках губ появились недовольные складки.

— Все хорошо, — мягко и спокойно произнес он, не выдав собственных чувств и явно щадя мои. — Ты мне веришь?

Я словно в омут окунулась в синеву его глаз. Конечно, верю! Кому же тогда в жизни еще можно верить, как не ему?

— Верю, — только и сказала я, но он понял остальное и без слов, ободряюще сжав мою ладонь. Удивительный мужчина! Умный. И сочувствующий.

— Если честно, я не знаю, с чего начать рассказ, чтобы не напугать тебя еще больше, — скованно улыбнулся он. — Вижу, и без того сильно нервничаешь.

— Может, тогда я буду спрашивать, а вы отвечать? — предложила я, отчаянно пытаясь изобразить бодрость и беспечность. Уж больно хотелось облегчить незнакомцу начало разговора.

— Не «вы», а «ты». Не нужно официальности.

— Хорошо. Ты будешь отвечать, — покорно повторила я.

— Давай попробуем, рыбонька, — бросив на меня благодарный взгляд, согласился мужчина.

Рыбонька? Фу, терпеть не могу рыбу. Но раз уж ему так нравится, пусть называет. Ему можно все!

— Где я? — задала самый волнующий меня вопрос.

— Зазимое королевство. От других государств наше отделяет Снежная пустыня, потому так и прозвали — За-зимое, то есть за зимой. Разумеется, к нам есть и другой путь, но тот дальний и вполне обычный...

— погоди! — невежливо перебила я экскурс в топографические тонкости. — Как? Я же была дома? И вообще, я не знаю никаких зазимых государств. Таких не существует!

— Существует, — по-прежнему терпеливо ответил мужчина. — В моем мире. В твоём — нет.

— В твоём, моем... Можно подумать, миров несколько, — проворчала я, пытаясь понять, что мне втолковывают.

— Именно. Миров бесчисленное множество, но не во всех есть возможность переходов. В наших с тобой такая возможность существует, поэтому ты здесь.

Я удивленно воззрилась на мужчину:

— Интересная причина моего здесь появления — потому, что есть возможность переходов.

— Ну это не совсем причина...

Мне показалось? Или красавчик действительно смутился?

— ...Понимаешь, перемещаться в другие миры могут только люди, ненужные в своем.

— Это значит... — Кровь отлила от моих щек. — Я в своем мире... не...

— Но очень нужные в нашем, — поспешил добавить он и крепко сжал мою руку. — Очень. Нужные. И долгожданные.

Под теплым взглядом моя тревога стала таять, словно кусочек льда на ярком весеннем солнце, пока наконец я не пришла в расслабленное благодное состояние. Или так вино на меня подействовало?

А незнакомец между тем, присев на подлокотник моего кресла, продолжал:

— Я ждал твоего появления здесь, наверное, с самого своего рождения. Ты мне предопределена судьбой. Каюсь! Это я вырвал тебя из твоего мира. К себе. Но, поверь, я без тебя здесь не выжил бы. Меня бы просто не существовало. Ты мне нужна даже больше, чем воздух. Я как тебя увидел... поверь, был поражен в самое сердце с самого первого взгляда.

Слова откликались в душе сладкой музыкой, хоть и копошился где-то на задворках сознания червяк сомнения, напоминающий о преданном ранее доверии, растоптанном

сердце и обесцененной любви. Но какая девушка не мечтает встретить своего сказочного принца, который всю жизнь ждал и искал среди тысяч и миллионов ее одну? Секундочку...

— Что значит «вырвал»?

— Я маг, — просто, будто само собой разумеющееся, сказал незнакомец.

Очуметь! Мне точно снится сказка! Или же она происходит наяву?

— Поверь, — шептал на ухо этот искуситель, — я для тебя сделаю все, что угодно. Стану твоим рабом. Лишь согласишься быть моей. Моей спутницей. Моей половинкой. Моей богиней! Повелевай, и я исполню любое твое желание с огромным удовольствием. Самое большое счастье в жизни — видеть довольную улыбку своей хани. Просто скажи, чего ты больше всего хочешь.

Хочу? Как раз любви и хочу. Но вот могу ли себе позволить снова рискнуть? Хотя бы во сне.

Ведь происходящее, без сомнения, сон.

Мужская ладонь несмело поползла вверх по моей руке, лаская запястье, касаясь чувствительной кожи внутренней стороны предплечья. Дыхание перехватило, когда после пальцев ко мне прикоснулись мягкие теплые губы. Насладиться лаской в полной мере не позволял выстроенный мною же за последние годы барьер. Было безумно страшно довериться незнакомцу и открыть душу. Но до чего же хотелось!

— Хани? — спросила я, чтобы дать себе хоть немного времени на передышку.

— Избранная, единственная, которая откликнулась на зов и пришла...

— Ты меня дернул за руку! — не столько возмутилась, сколько удивилась я неточности формулировки.

— Всего-то помог. — С виноватой улыбкой мужчина приобнял меня. — Ты могла засомневаться и упустить время перехода. А следующую возможность пришлось бы ждать целый год, что просто нестерпимо. Несколько лет я совершал ритуалы и звал тебя, но ты не слышала. Это было больно. Поверь, ожидание убивает.

Сладкая патока слов одурманивала. Я уже не винила себя за откровенный взгляд, который не могла оторвать от незнакомца, всматриваясь в каждую черточку, подмечая любую мелочь. С жадностью наслаждалась великолепной внешностью, все чаще останавливаясь на губах. Какие они на вкус?

И все-таки что-то настораживало. Быть может, частое повторение им слова «поверь»? Соседка, учившаяся на психолога, утверждала — подобная привычка имеется у отчаянных лгунов. Впрочем, она могла надо мной и подшутить.

А незнакомец становился в своих поползновениях все смелее. Его губы нагло ласкали мочку моего уха, заставляя от испытываемых острых ощущений терять голову.

Или меня смущает наше непродолжительное знакомство? Так бывают же случаи любви с первого взгляда, и люди жи-

вут вместе долго и счастливо.

— Мы даже не знакомы, — сделала я последнюю попытку отступления.

— Я Грэхх.

Какое странное имя, необычное. Но такое же притягательное, как и его обладатель, звучит, словно рот полон сладких карамелек.

— Ясмина.

— Вот и познакомились. Не переживай, — шепнул, правильно поняв мои внутренние метания, мужчина, — мы не будем торопиться. Я не вынуждаю тебя сделать выбор прямо сейчас. У нас впереди больше двух недель. Лишь прошу дать мне шанс... Нет, не так... Я прошу дать нам шанс узнать друг друга поближе. И тогда я тебе докажу, что мы созданы быть вместе!

К черту бывшего и его предательство, это произошло так давно! А сейчас я хочу любить и быть любимой! Хотя бы во сне. Такие мужчины, как Грэхх, на дороге не валяются. Я дам нам шанс!

Повернув лицо к Грэхху, неуверенно улыбнулась. И он снова понял так, как нужно. Поцелуй оказался сладким и головокружительным. Нежные касания и страстные прикусывания. Сильные руки зарылись в мои волосы, не позволяя отстраниться. Но я и не собиралась. Сама тесно прижималась к крепкому мужскому телу и не могла утолить свою жажду. Ощущения были восхитительными! Никогда прежде мне не

доводилось во время поцелуя видеть фейерверк из взрывающихся радужных звезд. Они кружили около нас, пронизывали насквозь и осыпались мерцающим дождем.

Точно, сон! Сладкая сказка!

Я готова была пойти дальше поцелуев, мне стало мало прикосновений губ и тел. Хотелось большего, раствориться в Грэххе, пропитаться им, насытиться. Но он остановился, вовремя установив между нами дистанцию.

— Я подожду твоего доверия и открытости. Дождусь, когда ты станешь моей, полностью и без оглядки.

Хотелось взвыть от разочарования и острой потребности слиться с ним в единое целое. «Я готова!» — кричало все во мне.

— А пока, — Грэхх снял с мизинца широкое серебряное колечко, исписанное непонятными символами, и ловко надел мне на большой палец, — прошу, носи вот это.

Ободок кольца сжался по размеру буквально на глазах. Волшебство! Ну а что вы хотели? Сказка же!

— Это знак нашей принадлежности друг другу и твоя привязка к нашему миру.

— А что ты говорил про две недели? — Я рассеянно покрутила колечко на пальце.

— После сможешь вернуться в свой мир, если, конечно, пожелаешь, а пока будь моей гостьей, Ясмина.

Почему бы и нет. Я согласно кивнула, вызвав у Грэхха счастливую улыбку. Да за такую улыбку я убить готова, а не

только погостить в его доме.

— Ты извини меня, пожалуйста, — вздохнул он, вставая с подлокотника и оправляя и без того безупречно сидевшую на нем одежду, — придется тебя ненадолго оставить одну. Дела. Как управлюсь — приду и отвечу на оставшиеся вопросы. Хорошо?

— Да, — ответила я, чуть прикрыв в согласии глаза.

— Колечко не снимай, иначе портал снова откроется и утянет тебя домой.

Ни за что!

— Я дождусь тебя, обещаю.

Удовлетворенная улыбка обьевшегося сметаной кота была мне ответом.

— Я быстро! — прокричал Грэхх, скрываясь за дверью.

Ничего себе сновидение! Мне за всю жизнь ничего такого красочного и приятного ни разу не приснилось. Чудеса!

От нечего делать принялась рассматривать комнату. Высокие потолки с лепниной, четыре хрустальных светильника, стены, обитые зеленым гобеленом с золотым узором, жарко пылающий камин, массивная мебель, состоящая из четырех кресел, дивана, письменного стола и книжного шкафа, — все поражало монументальностью и роскошью. Но больше всего мне понравился светло-бежевый пушистый ковер на полу. Такой красивый, а я по нему в сапогах ходила! Вон грязные пятна остались. Какой ужас!

Смущаясь, торопливо сняла обувь и погрузила ступни в

мягкий ворс. Полный восторг! Пока нежила ножки, обратила внимание, что напротив стены с огромным зеркалом есть несколько внутрикомнатных дверей. А это уже интересно. Что там?

Разумеется, я читала в детстве сказку про Синюю Бороду и знала — любопытство частенько бывает наказуемо, но ведь Грэхх не запрещал мне осмотреться в своем жилище. Напротив, пригласил погостить.

С такими мыслями я направилась к интересующим меня дверям. За одной оказался платяной шкаф, забитый мужской одеждой — даже неловко стало за свой неказистый гардероб, который не мог похвастаться подобным изобилием. За другой — мраморная уборная со всевозможными удобствами, за третьей — спальня, где располагалась необъятная кровать под бархатным балдахином. А вот четвертая не открылась.

— Похоже, именно здесь прячет негодных жен местный маньяк Синяя Борода, — хихикнула я и отошла от двери.

За тяжелыми шторами с бахромой и кистями прятались огромные окна с видом на снега и непроглядную темень. Быть может, завтра при свете дня увижу окружающую дом местность?

Я как раз поправила штору и снова уютно устроилась в кресле, когда в комнату весело ввалились три молодые девушки в сопровождении степенной полной женщины, одетые в старомодные платья с длинными юбками и корсажами

на шнуровке.

— Ой, здрасте, — растерялись хохотушки, ненадолго при-
молкнув и рассматривая меня.

— Здравствуйте, — отозвалась я, с не меньшим интере-
сом оглядывая пришедших.

Первой опомнилась женщина.

— Подумать только, неужели смог? — всплеснула руками
она. — Вот уж не ожидали!

— Три года пыжился, — поддакнула одна из девиц, га-
денько усмехаясь, вызвав во мне волну неприязни.

— Глашка, забываешься, — цыкнула на нее старшая, и та
сразу притихла.

— Да ладно, мам Лен, — фыркнула другая, — ни для кого
не секрет...

— Дело не в секретах, а в элементарном уважении, — на-
ставительно произнесла женщина.

— Было бы к кому! — не унималась молодая.

— К хозяевам замка, которые дают тебе кров и пищу.

Наглая девица открыла рот, явно собираясь огрызнуться,
но женщина ее опередила, скомандовав:

— Работаем, не отвлекаемся!

Ошарашенная, я наблюдала за юркими девушками, кото-
рые рассыпались по комнате, наводя порядок. Прикоснове-
ние длинных палок, оснащенных перьями, тряпочками, губ-
ками, волшебным образом очищало с любых поверхностей
пыль и грязь. И никаких вам пылесосов или веников. Кра-

сота!

— Меня зовут Ясмина, — наконец осмелилась я снова привлечь к себе внимание. — А вас?

Самая бойкая девушка, с пухлыми щечками, не прекращая работы, ответила за всех:

— Я Ольга, вот Глафира, Мария, а это, — она указала на пожилую женщину, — наша мама Лена. Мама для девчонок, живущих в замке! Если будут проблемы, можешь смело к ней бежать плакаться.

Мама Лена густо покраснела от удовольствия и важно сложила руки на груди. Смущенно улыбаясь, она одарила «дочек» взглядом, в котором светилась любовь. Мое же внимание привлекло другое.

— Замок? Мы сейчас находимся в замке?

Никто почему-то не удивился моей дремучести. Напротив, выказали желание поделиться знаниями. Ольга, с удовольствием принялась просвещать меня:

— Да. Академия Триединства Колдовства расположена в огромном замке, который стоит посреди Снежной пустыни. Очень удобное местечко для обучения магии. Замковые стены зачарованы от разрушительных воздействий на случай, если кто-то из студентов не сможет удержать собственную силу, а за пределами — зимняя пустошь, она гасит вырвавшуюся стихийную энергию. Отсюда до ближайшего жилья достаточно большое расстояние, чтобы люди могли не бояться магических ошибок обучающихся.

Выходит, это не дом Грэхха, а его место учебы или работы.
— Вроде нашего студенческого городка, — пробормотала я.

— Точно! — подхватила девушка. — Только тут не комплекс зданий, а один-единственный замок.

— Подожди-ка, ты тоже с Земли? — не поверила своим ушам я. Вот это новость!

— Ну да. И Глафира с Марией, и мама Лена. — Она широко улыбнулась и задорно подмигнула.

Я перевела взгляд на остальных, и те дружными кивками подтвердили Ольгины слова.

— И вы все, как и я, пришли на зов?

— Можно сказать и так, — уклончиво ответила Глафира.

Ну да, точно, они же прислуга, а не невесты. Их, видимо, как-то по-другому сюда впустили.

Мама Лена что-то добавила, но невнятное бормотание я не разобрала.

Уборка продолжалась, и очередь дошла до моих сапог и пальто. Брезгливо держа их на вытянутых руках, девицы поинтересовались у старшей:

— Сжечь?

— Что?! — возмутилась я, вскочив с кресла и отбирая пусть и неказистые, но такие родные вещи. — Это мое!

— Оставьте, — распорядилась мама Лена и, повернувшись ко мне, поинтересовалась: — Еще не согласилась?

— С чем не согласилась? — не поняла я.

— Остаться здесь, на Гзоне.

— Нет.

Она одобрительно улыбнулась.

— У меня еще есть время подумать.

— Вот уж чего у тебя нет, так это...

Дальше произошло странное: женщина продолжала говорить, но я не могла вникнуть в суть слов. Вроде язык знаком, сказанное осознаю, а собрать по смыслу в единое целое не получается.

— Да ладно тебе, мам Лен, разоряться, — не выдержала наконец Глафира. — Разве не видишь, что она тебя не понимает.

Женщина разочарованно уставилась на меня и замолчала. Махнула было рукой, но тут же встрепенулась и с надеждой уставилась на кольцо, подаренное Грэххом.

— Можешь снять?

Я покрутила вокруг пальца серебряный ободок:

— Конечно. Но я не буду этого делать. Кольцо — привязка к этому миру. А я еще не решила, хочу ли вернуться обратно.

Компания бросила на меня жалостливый взгляд и совершенно потеряла интерес к моей персоне. Девушки, закончив уборку выскользнули за дверь так быстро, что я даже не успела с ними попрощаться. А мама Лена, степенно покидая комнату, пообещала:

— Сейчас распоряжусь насчет ужина. Уверена, Грэхх на радостях не вспомнит, что тебя нужно покормить.

Какие же они все-таки странные. Я даже была рада наконец остаться в одиночестве и спокойно подумать. Правда, мысли путались и постоянно уплывали в единственном направлении — Грэхх. О нем я готова мечтать часами. Вспоминать внешность, голос, прикосновения. И самое удивительное, я уже по нему скучала, хотя прошло не более часа после его ухода. Неужели так бывает?

В дверь деликатно постучали, вырвав меня из сладких грез.

— Войдите.

В комнату прошмыгнуло невысокое, изящное как тростинка создание со светлыми кудряшками, которые своевольно выбивались из крепкого узла на затылке. Уже не ребенок, но и девушкой сложно назвать. Испуганно хлопая огромными глазами, она поставила поднос с едой на письменный стол, неловко присела в книксене и поинтересовалась:

— Добрый вечер, госпожа. Вам помочь с банными процедурами?

На минутку я зависла.

— Госпожа? Да еще на «вы»? Недавно здесь были девушки с мамой Леной, как-то они более простецки общаются.

Девчонка бросила на меня испуганный взгляд:

— Прошу прощения, мэдью, я недавно здесь, еще не освоилась.

— Мэдью?

— Так принято обращаться к женщинам, выражая особое почтение. Но другие хани велели говорить им «госпожа» и обязательно «вы». А как к вам обращаться?

— Другие? У Грэхха есть еще хани? — Горло перехватило, и слова я выталкивала из себя с большим трудом. Как же быстро я стала считать мужчину своим!

— Нет-нет, не подумайте ничего такого, — поспешила заверить меня девочка. — Для мага хани может быть одна, в переводе с древнего языка означает «единственная». Так как же мне вас называть, мэдью?

— Ясмина, без «госпожи» и «мэдью». И конечно, на «ты». А твое имя?

— Альва. — Составив чашечки-плошечки с подноса на стол, она смиренно уселась на ковер, сложив руки на коленях. — Какие будут распоряжения? Я могу наполнить ванну, взбить пену, расстелить постель...

— Нет-нет, спасибо, я подожду Грэхха. Но у меня есть несколько вопросов. Можно?

— Конечно.

— Так что там с другими хани, Альва? Кто они и откуда? — Я не могла сдержатъ любопытства, получив новый источник информации. Быть может, с девочкой окажется проще пообщаться, нежели с горничными.

— Чаще всего девушки приходят с Земли, наша планета считается самой подходящей для Призыва. Но сейчас есть одна хани из незнакомого мне мира, у нее ужасно строгие

требования к прислуге. Говорят, там, откуда она пришла, жестокое рабство.

— А как же она свои требования высказывает? — усмехнулась я, представив капризную девицу, топающую ногами и жестами объясняющую пожелания. — Языковой барьер не мешает?

— При переходе все принимают язык этого мира. Ну например, на Земле я знала только норвежский, наша Мария разговаривала на итальянском, Ольга на датском. Нам троим в своем мире было бы трудно понять друг друга, но как попали сюда — сразу перешли на язык Гзона.

— Гзон — планета в этом мире?

— Да. Мы сейчас на нем находимся. Он как наша Земля. Как любопытно! Выходит, переход из мира в мир здесь вполне обычная процедура, можно сказать даже — беспроblemная. Перешел — и уже говоришь на нужном тебе языке. Сказка становилась все интереснее и необычнее.

Я приблизилась к письменному столу, на котором исходил паром мой поздний ужин. Красивая посуда, сложная сервировка.

— Присоединишься? — спросила я у Альвы.

— Нет, что вы... ой, ты. Я уже поела. Ужин для тебя. Вот эта гора еды? Все мне? Правда?

— Мне это на пять лет вперед, — засмеялась я.

Девочка, кажется, немного расслабилась и несмело улыбнулась.

— Ты ешь, что понравится, а остальное я унесу псицам.

— Кому?

— Псицы — что-то вроде огромных собак, такие на Земле не встречаются. Здесь их разводят для охраны, причем самые злые и верные — женского пола.

— А от кого здесь охранять? Замок же в пустыне снежной стоит. Или не так?

— Все так. Но это не для охраны замка. Просто у каждого высокородного мужчины есть личный магически привязанный телохранитель — псица. Собачки чувствуют хозяев даже на расстоянии. И пока студенты здесь учатся, зверюшки живут неподалеку. Разлучать псицу с хозяином надолго нельзя — сама придет и устроит много бед. Ты ешь, ешь.

Ладно. Что здесь у нас? Незнакомая желтая масса, по-видимому, является кашей, вон и тающий янтарными каплями кусочек масла сбоку притулился. Тут — нечто похожее на овощное рагу. А вот это — точно мясо, правда, неизвестного зверя, ну да не важно.

Разумеется, я могла расспросить Альву, какое блюдо как называется и из чего приготовлено, но предпочла потратить драгоценные минуты совместного времяпрепровождения на более интересные вопросы. Благо девочка не торопилась уходить, видимо, несладко прислуживать остальным хани. И действительно, пусть посидит здесь, отдохнет.

— И у Грэхха имеется псица?

— Да. Все высокородные родители, у кого есть деньги,

стараются приобрести любимому сыночку охрану.

— А женщинам какие полагаются телохранители? — Мое воображение нарисовало монстра, вышагивающего рядом со мной на поводке.

— Не знаю, девушки здесь не учатся. Кажется, женскому полу вообще не полагается магичить. В академии находятся только юноши, достигшие совершеннолетия по меркам этого мира. До восемнадцати лет мальчикам дают общее образование дома или в колледже, а затем тех, у кого есть магический дар, отправляют сюда. Но десять ступеней обучения проходят не все, каждый год отсеивается по несколько человек. А уж вызвать хани и вовсе удастся единицам.

А мой Грэхх, оказывается, один из лучших! Он смог призвать свою единственную.

— А те, кто не смог, как же? Остаются без суженых?

Альва странно на меня посмотрела, но ответила:

— Все выпускники академии получают дипломы об образовании, только разного цвета и яркости, что говорит о способностях работать с магией. Те, кто сумел вызвать хани, становятся элитой страны, так как их магические умения самые совершенные.

— Скажи, а много в замке хани?

— В этот раз много. С тобой пять.

— В этот раз? Хани появляются в замке с некоторой периодичностью?

— Перед каждым Новым годом выпускники пытаются вы-

звать свою хани.

Что мне попыталась рассказать дальше Альва, я не смогла понять. Видимо, «переводчик», срабатывающий при переходе, время от времени дает сбой. Впрочем, самое интересное, как мне показалось, я уже слышала.

Альва, как только поняла, что ее слова до меня не доходят, разочарованно замолчала и жестом указала на еду, мол, ешь, ешь.

Я нехотя принялась за ужин, пробуя то одно блюдо, то другое: что-то оказалось хорошо знакомым и привычным, а что-то поразило оригинальным сочетанием и необычным вкусом.

Когда Альва собиралась уходить, она, как и мама Лена, заинтересовалась кольцом. Осторожно прикоснувшись к моей руке, задала тот же вопрос:

— Снимается?

— Грэхх хочет, чтобы я носила, — с вызовом отозвалась я.

Девочка грустно кивнула и, подхватив поднос с посудой и остатками моего ужина, ушла.

И что им всем далось это кольцо? Хотят меня отправить домой? Обойдутся! Я провернула металл вокруг пальца и заметила, что в прошлый раз ободок крутился гораздо свободнее. Эх, к вечеру руки немного отекли. У женщин по маминей линии была подобная проблема, похоже, и мне со временем досталась. Я загрустила, вспомнив про родителей. Ну

что мне делать в своем мире? Ни родни, ни друзей, ни возлюбленного. Всех держала на расстоянии, боясь снова поверить и обжечься. Не хочется мне возвращаться домой, вот совсем-совсем.

И тут сердце радостно трепыхнулось, застучало сильнее. Чьи-то шаги. Впрочем, я знаю чьи. Дверь приоткрылась и выпустила в комнату Грэхха. Наконец-то! Даже не сомневалась, что это он! Улыбается. Мне! До чего же он прекрасен!

Я вскочила на ноги и уже собиралась кинуться навстречу, но выяснилось, что мужчина пришел не один.

Глава 2

Седовласый старец с длинной, до самого пола бородой и в одежде того же кроя, что и у Грэхха, выглядел нелепо. Красный клоунский нос и крупные блеклые губы не добавляли ему солидности. Но вот глаза не могли никого провести — полные мудрости и житейского опыта, они словно пронизывали насквозь и видели даже в самых потаенных уголках души.

— Вот она! — гордо объявил Грэхх, как только мужчины вошли в комнату.

— Добрый вечер, — одновременно поздоровались мы со стариком, и я поежилась от пристального внимания к моей персоне. Вот вроде не первый человек в этом мире с бесцере-

монным любопытством рассматривает меня, а подопытным кроликом я ощутила себя лишь сейчас.

— Грэхх переполнен эмоциями, простим ему его бестактность и представимся друг другу сами, — вежливо предложил старик, вовсе не становясь для меня более приятным. — Мое имя слишком длинное, чтобы представляться сейчас, на ночь глядя, по полной форме. Поэтому можешь звать меня мэд Бенабеус. Я ректор Академии Триединства Колдовства, хранитель ордена Зазимого королевства, единственный учитель десятой ступени...

Не обнаружив желанной реакции на перечисленные незнакомые мне должности и титулы, старик усмехнулся и предложил представиться мне.

— Ясмина.

Краткий ответ мэда Бенабеуса вполне удовлетворил. Он обошел вокруг меня, цокая языком, и сделал странный вывод:

— Хороша! Не сказал бы, что подобная драгоценность тебе по зубам, Грэхх, но чудо как хороша! Если справишься, станешь гордостью Зазимого.

Он сейчас о чем? С кем нужно справляться? Со мной?

— Буду стараться! — отрапортовал Грэхх, осталось еще каблуками прищелкнуть для пущего эффекта.

— А вот девочку оставил одну надолго зря. Дурак. Потому три года и не мог достать свою хани, что дурак. Хотя бы поберег, раз уж наконец посчастливилось.

— Непременно! — Грэхх на «дурака» совершенно не обиделся, по-прежнему сияя счастливой белозубой улыбкой.

Старик покачал головой. Схватив мою руку с кольцом, поднес к самым подслеповатым глазам с мелкими очочками. Нахмурился.

— Береги, — бросил напоследок то ли мне, то ли своему студенту и бесшумно вышел из комнаты.

Мы с Грэххом остались наедине. Мужчина, не теряя времени, сгреб меня в охапку и удобно развалился в кресле.

— Как ты здесь без меня? — ласково прошептал на ухо, и я растаяла.

— Скучала.

Грэхх довольно осклабился:

— Я тоже. Еще раз извини за вынужденное отсутствие. Я здесь не совсем вольная птица. — В его голосе прозвучало сожаление.

— Да, я поняла, что ты студент академии, а значит, должен подчиняться существующим здесь правилам и порядку.

— Так и есть. Только я уже не просто студент, а выпускник.

Горделивые нотки в его голосе заставили меня улыбнуться вместе с Грэххом. Ну словно ребенок, хоть и выглядит лет на тридцать.

— Самый лучший, — решила я немножечко польстить своему мужчине. — Ведь ты призвал хани.

— Это точно!

Он так крепко меня обнял, что съеденный недавно ужин запросился обратно. Пора менять тему, иначе мои бедные косточки не выдержат подобного напора.

— Что-то я не очень поняла, о чем говорил мэд Бенабелус, — произнесла я, пытаясь изобразить незаинтересованный вид.

— Не обращай внимания, — отмахнулся Грэхх, — старик почти выжил из ума и держится в должности лишь благодаря прежним связям.

Он чмокнул меня в кончик носа, и на сердце сразу стало легко и спокойно. Действительно, зачем лезть не в свои дела. Грэхх — умный мужчина, без меня разберется, что к чему.

— Давай лучше выкладывай, рыбонька, за время моего отсутствия у тебя появились какие-нибудь вопросы? Готов ответить, чтобы между нами не было недомолвок.

Ну разве он не прелесть? Сам предложил. Что же меня до этого беспокоило? Нет, не помню. Видать, не важное.

А, вот!

— Эти две недели, выходит, я буду гостьей академии?

— И да, и нет, — обрадовавшись вопросу, принялся объяснять Грэхх. — Каждому студенту выделяются апартаменты, состоящие из нескольких комнат, которые на время обучения становятся его безраздельной собственностью. Я могу здесь сделать любую перестановку, организовать ремонт, пригласить гостей. В моих покоях ты полновластная хозяй-

ка. А вот если захочешь выйти за дверь, то попадешь на территорию академии. Но это все совершенно не важно, ни там, ни здесь тебе никто не причинит никакого вреда. Клянусь, ты в безопасности. Ходи где хочешь и делай что пожелаешь. Табу лишь на апартаменты других студентов, но в их комнаты ты и не попадешь, каждая дверь зачарована от незваных посетителей. Войти получится только туда, куда вход либо не запрещен, либо разрешен.

Как все сложно.

— А разве «не запрещен» и «разрешен» не одно и то же?

— В магии — совершенно разные вещи. Разрешение подразумевает полное доверие, а отсутствие запрета — множество оговорок и условий. К примеру, вот эта дверь, — он указал на входную, — не запрещает входить прислуге, которая явилась для выполнения своих прямых обязанностей, но разрешение имеет только для меня и тех, кого я пригласил. Ох, нужно не забыть поставить и на тебя разрешение. Хорошо, что мы с тобой заговорили на эту тему, иногда я бываю жутко рассеянным. — А немного подумав, добавил: — Особенно если так счастлив.

Легкий поцелуй в висок — и я растекаюсь сладкой лужицей.

— А что будет потом?

— Когда?

— Ну через пару недель. Если я останусь с тобой. Ты ведь оканчиваешь академию, правильно?

Реакцию Грэхха на простой вопрос я не смогла определить, уж слишком много эмоций промелькнуло на его лице одновременно. Но с небольшой заминкой он все же ответил:

— Да, в новом году, после сдачи экзаменов, всем выпускникам выдадут дипломы, после чего мы сможем отправиться домой.

— Звучит здорово!

— А в реальности еще лучше! — вдохновенно поведал он, и его глаза ярко засверкали в предвкушении. — Это здесь снег и морозы круглый год, дома — лишь положенные пару месяцев, все остальное время тепло и солнечно. В городских парках даже зимой цветут цветы, а на главной площади бьют фонтаны. А какие устраивают балы на Верхней террасе! Родители уже заждались, когда же я вызову хани и вернусь домой. Праздник устроят — весь город содрогнется!

Нежась в его теплых объятиях, я даже не заметила, как начала засыпать.

— Отправляйся-ка ты в спальню, — тихонько проговорил Грэхх, прикасаясь губами к моим векам.

— Мм... — согласилась я, с трудом поднимаясь на ноги и направляясь к двери, за которой немного раньше обнаружила кровать. — А ты? — вспомнила я про мужчину, уже стоя на пороге комнаты.

Грэхх отсалютовал мне наполненным до самых краев бокалом. И когда успел добраться до бара?

— А у меня еще экзамен в Холодных подвалах, так что

встретимся утром.

— Тогда пожелай мне спокойной ночи.

— Сладких снов, моя хани!

С трудом доплелась до кровати, не раздеваясь, рухнула на не разобранную постель и уснула под вой беснующейся вьюги за окном. Последней мыслью мелькнуло: «Нужно было соглашаться на банные процедуры, когда Альва предлагала».

Ночь прошла без сновидений. А открыв глаза и увидев над собой балдахин, я осознала — все, что произошло накануне, не сон, как бы дико и странно это ни звучало. Я действительно попала в иной мир.

И готова в нем остаться навсегда, в прошлом мне делать нечего. Похоже, окружающая меня сказка — новогодний подарок от снежинки, которой я загадала желание. Остается принять его с огромной благодарностью!

Определившись с будущим местожительством, я решила с сегодняшнего же дня начать приспосабливаться к новой родине.

Вопреки обещанию Грэхха встретиться утром, в гостиной я его не обнаружила. Обводя комнату взглядом, наткнулась на свое пальто и сапоги. Выглядели они в роскошной обстановке как грязное пятно на бальном платье, поэтому пришлось спешно спрятать их в самый дальний угол шкафа. Надеюсь, прислуга не заметит мои вещички, иначе снова попытается сжечь. Если бы кто-то спросил, зачем мне понадобилось хранить подобное старье, думаю, не смогла бы отве-

тить что-либо более вразумительное, чем на память. На самом деле помнить о том, как когда-то приходилось носить пальтишко с чужого плеча и не иметь возможности заменить прохудившиеся сапоги на новые, мне не хотелось. И все же чувствовала, что с этой частичкой прошлого еще рано прощаться. А собственной интуиции я привыкла доверять.

Среди одежды Грэхха я подыскала сменную рубашку, в которую собиралась переодеться после душа. Но не пришлось. Вдоволь насладившись водными процедурами и завернувшись в огромный махровый халат, я довольная, распаренная и разморенная вышла из ванной и остолбенела. В гостиной набилось столько народу, что яблоку негде было упасть! А заправляла этим хаосом мама Лена.

Как только женщина заприметила меня, стоявшую с открытым ртом у двери в ванную, то моментально взяла в оборот. Несколько рук извлекли из халата мою вялую тушку и принялись обмерять со всех сторон. Одновременно, не позволяя даже задуматься о собственной наготе, не говорю уж про естественное смущение, мне подсовывали рулоны всевозможных тканей, пытаюсь выяснить, какой цвет больше подходит к глазам и волосам, а также соответствует личному вкусу. Непрерывный щебет летел сразу отовсюду, оглушая и дезориентируя.

Наконец обрядив в готовую одежду, которую сразу же на мне и подшили, усадили за стол завтракать. Я к этому времени уже чувствовала себя выжатой как лимон, лишенный

не только сока, но даже cedры.

— Зачем все это? — спросила я маму Лену, когда остальные девушки, забрав ткани, мерки и полуготовые выкройки, шумной стайкой выпорхнули из гостиной.

— Так бал же новогодний через две недели, — удивилась она моему вопросу.

— Бал? Новогодний? А почему так поздно?

— Почему поздно? Аккурат в канун Нового года.

— А на Земле он в эту ночь как раз наступил.

— Ах, точно! Как я могла забыть! Давно здесь живу, уж привыкла. Нет, деточка, на Гзоне другой календарь, через две недели и Новый год, и бал. Поэтому платье сейчас начинаем шить. Времени в обрез! Да и сменное белье с повседневной одеждой тебе не помешают.

— Это Грэхх распорядился? — обрадовалась я невероятной заботливости своего мужчины.

— Как же, Грэхх, — фыркнула мама Лена, — дождешься от него! Ректор академии каждый год делает подобные подарки хани выпускников. И не вздумай отказываться!

— Да я не...

— А то нашлись сегодня две фифы, которых нужно поговаривать, прежде чем они на свою голую задницу подаренные панталоны натянут.

— Что вы! Не нужно меня уговаривать. Огромное спасибо за вещи! Все очень красивое и удобное.

— То-то же!

И довольная мама Лена отчалила, важно покачивая теле-сами.

А я, раз уж меня накормили и одели, решила устроить себе экскурсию по академии. В запасе всего четырнадцать, нет, уже тринадцать дней, нужно успеть заглянуть в каждый уголок. Вряд ли еще когда доведется побывать в таком интересном месте.

Распахнула дверь и чуть не столкнулась нос к носу с нерешительно переминающейся с ноги на ногу Альвой.

— Привет! Ты чего здесь?

— Я не подслушивала! Все двери зачарованные, и подслушивать в академии просто невозможно! — испуганно доложила она.

— Да мне ничего подобного и в голову не приходило, — опешила я от подобного заявления. — Просто хотела помочь, если что.

— А... я за посудой от завтрака, — стушевалась девочка.

— А ты отчего на взводе? Были прецеденты?

— А? — не поняла она.

— Кто-то обвинял в подобном? — пояснила я.

— Да. Две хани, двери их комнат друг против друга, обе кричали, что я их подслушиваю, даже поссорились, кого именно.

— Весело у вас тут, — рассмеялась я.

— Ага, не соскучишься, — подтвердила служанка так грустно, что у меня сердце зашло от жалости, а смех за-

стрял в горле.

— Альва, а в твои обязанности что входит?

— Прислуживать хани, выполнять их желания.

— А сопровождение считается прислуживанием? Я прогуляться решила. Может, пойдем вместе, показала бы мне, где что?

Глаза девочки заблестели.

— Я... да я с большим удовольствием!

— Никто не станет ругать? Других хани найдется кому обслуживать?

— Конечно, найдется! В обслуге много девушек, — заверила Альва, — просто я новенькая, и мне неприятная работа достается в первую очередь.

Ну надо же! И здесь дедовщина!

— Замечательно! Вот те, кто постарше да поопытнее пусть и разбираются с неуживчивыми хани. А мы с тобой — гулять!

Вопреки моим опасениям, что девочка работает в академии недавно и потому наверняка сама плохо знает замок, проводником Альва оказалась отличным. Она не просто прекрасно ориентировалась в бесчисленных коридорах и переходах, но и оказалась кладезем легенд и баек касательно чуть ли не каждой местной достопримечательности, будь то картина или статуя.

— Можно подумать, что ты всю жизнь проработала местным гидом, — пошутила я, поднимаясь по винтовой лестни-

це башни, незабываемый вид с которой Альва обещала показать.

— А я общительная, — без всякого бахвальства сообщила девочка. — И любопытная. Вот смотри, как красиво.

Мы как раз вышли на площадку, и Альва закружилась, запрокинув голову и расставив руки в стороны.

— Осторожнее, — испугалась я, — здесь ни перил, ни парапета.

— Они здесь не нужны, разве ты не видишь, сюда даже ветер не попадает?

Я увидела. И застыла от восторга. Дух захватывало от снежной красоты и бескрайнего простора. Низкие серые облака убегали вдаль вместе с белым покрывалом пустыни. Куда ни глянь — везде снег и небо.

А вот холодно на открытом пространстве башни не было. Совсем. Ни малейшего движения воздуха. Да и сама каменная площадка не завьюженная.

— Магический купол, — пояснила Альва. — Его сделали после того, как давным-давно девушка, влюбленная в студента-подлеца, бросилась с этой башни.

Я подошла к самому краю площадки и заглянула в темную бездну. Жуть. Башня и без того высокая, а под ней еще и пропасть. Протянув руку, ощутила препятствие. Действительно купол, почти невидимый, и время от времени радужно переливается, будто мыльный пузырь.

— Странно. Тут же девушки не учатся... — задумалась я

о страшном финале незнакомки, проводя пальцами по магической прозрачной стенке.

— Верно. Она и не училась, — поддакнула Альва.

— А! Она была из obsługi, — осенило меня, — а студент из богатой семьи... Верно?

— Верно. Здесь другие и не водятся.

Горькие слова заставили меня обернуться, хотя лучше бы я этого не делала. Глаза девочки отражали столько боли, разочарования и жизненной неприглядной правды, что хотелось зажмуриться и забыть подобный диссонанс — у юного и нежного создания не может быть таких глаз!

— Ты тоже успела хлебнуть горькой любви?

Что Альва ответила, я не поняла, видать, опять местный «переводчик» барахлил.

Спускались с башни молча, каждая думая о своем. Что-то не давало мне покоя, намекая на связь между рассказом Альвы и собственным положением в этом мире. Но стоило чуть ближе подобраться к разгадке, как мысль сбивалась на посторонние темы. Ну и ладно, не больно-то хотелось.

Тишину башни нарушали лишь наши гулкие шаги по лестнице да свистящие порывы ветра, задувающего в узкие бойницы — их магией не прикрыли, а потому время от времени под туфельками хрустел наметенный снег.

— И что, позвольте узнать, прекрасные мэдю делали на такой высоте?

Насмешливо-презрительный голос за спиной заставил ме-

ня подпрыгнуть от неожиданности. Я оступилась и наверняка полетела бы вниз головой, считая ступеньки, не подхвати меня вовремя сильная рука.

— Примеривались, где удобнее спрыгнуть, — буркнула я, высвобождаясь из чужих крепких пальцев.

— Ох, в таком случае прошу прощения, что так некстати помешал развлечению и не позволил упасть, — ядовито усмехнулся молодой человек.

Я обернулась и наконец смогла рассмотреть своего «спасителя». Высокий, даже выше Грэхха, мускулистый и гибкий, с тонкими чертами лица и густыми светлыми локонами, в магическом освещении имеющие золотисто-зеленоватый оттенок. Но самым заметным в облике незнакомца были прозрачные, изумрудного цвета глаза хищника, осматривающие меня с нездоровым интересом. Мужчина мне напомнил змею — коварную, сильную, беспощадную.

Я вздрогнула и отшатнулась. По его тонким губам скользнула неприятная насмешка.

— Благодарю за помощь, — раздраженно произнесла я, удивляясь негативным эмоциям, которые вызвал мужчина, не успев появиться.

А кстати, откуда он тут взялся? За спиной незнакомца в каменной кладке зиял темный проход. Тайный старинный лаз? Или местные маги умеют прокладывать ходы в любой стене?

— Сожалею, что напугал, мэдью, — последнее слово он

произнес с издевкой, — но моей хани срочно требуется Альва.

— А вас хани, значит, использует в качестве посыльного?
— с непонятной злостью отозвалась я.

Но мужчина в ответ на мою грубость лишь приподнял бровь и посмотрел как на букашку. Нетерпеливо взмахнул рукой в сторону прохода, и Альва, низко опустив голову, прошептала:

— Ну... я пойду?

— Конечно, — так же тихо и потерянно проговорила я.

Незнакомец кашлянул, и девочка поспешила удалиться в указанном направлении.

— Не смею больше отнимать ваше время, мэдыю, можете продолжать примериваться к прыжкам с башни, — ввернул блондин напоследок. — Но должен предупредить, магический барьер довольно твердый.

Широкая спина в черном одеянии скрылась в проеме, и тот на моих глазах закрылся, не оставляя в плотной кладке и намек на то, что секунду назад здесь находился полноценный проход.

Я осталась в одиночестве посреди лестницы, растерянная и расстроенная. А ведь могла заступиться за Альву и не позволить забрать девочку для капризной хани. Могла, но не сделала! А все из-за противного блондина. Одним взглядом выбил из равновесия.

Я грустно побрела вниз. Заблудиться не боялась, поскольку

ку после подробного рассказа Альвы прекрасно запомнила каждый закоулок. Но удовольствие от прогулки потерялось, даже живые картины уже не радовали. А до того от волшебных полотен в мрачной галерее девочка меня еле увела. Шутка ли, увидеть в обрамлении обычного багета, как ветер играет с густой травой на полях и листвой в кронах деревьев, волны гонят морскую пену на песчаный берег и игриво качают величественные корабли да утлые суденышки, облака суетливо бегут куда-то вдаль или изрыгают ливень, подсвечивая его время от времени молниями. Мини-фильм какой-то.

Решив возвратиться в покои Грэхха, я свернула в коридор и чуть не столкнулась с высокой черноволосой девушкой. Ее красота ослепляла: белая кожа, алые губы, яркий румянец на щеках, густые чернильные брови и ресницы. Наверное, именно так и должна бы выглядеть сказочная Белоснежка. Неземное происхождение красавицы выдавали лишь кончики ушей, закрученные спиральками, да раскосые огромные глаза невероятно глубокого сине-фиолетового цвета, что совершенно не портило внешности, добавляя особенный шарм. Но стоило девушке открыть рот, как все очарование мигом исчезло.

— Где тебя носит, дрянь такая? — Резкий повизгивающий голос просто оглушал. — Сколько тебя можно ждать? Вся прислуга попряталась, чтобы не работать. Немедленно наполни мне ванну! И не дай боги, пена окажется меньше, чем в ладонь, — за волосы оттаскаю, ленивая образина.

Признаюсь, я застыла соляным столбом — настолько растерялась. Меня всегда оторопь берет, когда люди наглеют. Становится стыдно и за себя, что слышала подобное, и за человека, который продемонстрировал собственную несдержанность и невоспитанность.

— Чего встала? Быстро в ванную, я сказала!

Еще и ножкой притопнула.

— Вы мне? — решила я все-таки уточнить, заодно оглядываясь.

Но ошибки быть не могло, коридор оказался совершенно пуст, не считая меня и незнакомой красотки. Я округлила глаза и выдержала долгую театральную паузу. Девушка тоже молчала, осматривая меня с головы до ног и осознавая ошибку — одежда на нас обеих была пошита из непрактичных и очень красивых тканей. Разумеется, платья разные, подбирались-то по индивидуальному вкусу: мое — элегантное, серо-голубое, у скандалистки ярко-красное и откровенное. Но оба наряда явно не соответствовали гардеробу обслуживающего персонала.

— Вы считаете, я похожа на вашу рабыню?

Белая кожа незнакомки покрылась некрасивыми алыми пятнами. Развернувшись на каблуках, она поспешила в противоположную сторону длинного коридора, выкрикивая на ходу:

— Альва, дрянная девчонка! Быстро ко мне!

Так-так. Похоже, одна из капризных хани бушует, не най-

для свою девочку для битья. А вторая при помощи блондина обскакала соперницу, заполучив Альву в свое распоряжение. Устроили нешуточное противостояние за возможность поизмываться над ребенком.

Я неторопливо дошла до нужной мне двери и поняла, что сидеть взаперти в четырех стенах не хочу. Категорически. А какие у меня есть еще варианты? Грэхх, похоже, будет круглосуточно занят, сессия все-таки. Хорошо, если поесть и поспать найдет время, где уж на меня минутку выделить. Не до того. Впрочем, я не в обиде, раз уж решила остаться в этом мире, времени на общение у нас вскоре будет предостаточно. А пока учеба — дело святое. Сама я, к сожалению, так и не окончила художественный институт — после смерти родителей пришлось пойти работать, взяв академический отпуск. Собиралась позже, разобравшись с семейными долгами, перевестись на вечернее обучение, но не сложилось.

Я осмотрелась, вспоминая, что Альва недавно рассказывала про библиотеку, которая расположена этажом выше. Надеюсь, мне разрешат воспользоваться местным книгохранилищем? Стоит наведаться и спросить.

Определившись с направлением, я зашагала в предвкушении встречи с верными друзьями — книгами. Боже, как давно у меня не было возможности провести время за чтением!

Библиотеку нашла легко и быстро. Приоткрыв дверь, осторожно просунула голову и осмотрелась. Бесконечные стеллажи. Тишина. Запах бумаги и пыли приятно защекотал

ноздри.

— Добрый день, мэдью, — проскрежетал чей-то голос, и я испуганно встрепенулась. — Чем могу помочь? Вы заблудились? Искали, верно, зимний сад? Он чуть дальше по коридору, прямо и направо.

Пришлось зайти в помещение, чтобы увидеть говорящего. Натянуто улыбаясь, из-за широкой стойки смотрел худощавый мужчина средних лет. Его высокий лоб плавно переходил в проплешину с жидкими волосенками. Крупный острый нос, похожий на клюв, мелко подрагивал. Маленькие внимательные глазки мужчина нетерпеливо вперил в меня, ожидая ответа.

— Добрый день, мэ-э-э-э... — Я немного зависла, пытаюсь припомнить, слышала ли в этом мире вежливое обращение к мужчинам.

— Мэд, — подсказал библиотекарь и неприязненно скучился.

Согласна, некрасиво вышло.

— Конечно, мэд, извините, пожалуйста, я здесь недавно, — пролепетала, надеясь, что не нанесла ему смертельную обиду. — Еще не все успела узнать, освоиться, так сказать...

— Понимаю, — вежливо отозвался мужчина, но взгляд его не стал теплее и приветливее. — Так куда вы направлялись, мэдью? Позвольте вас сориентировать.

— Да я, собственно, сюда и шла. — Я совсем сникла и договаривала уже шепотом, наблюдая за вытянувшимся ли-

цом собеседника.

— Сюда? — на всякий случай переспросил библиотекарь и получил утвердительный кивок. — Вы кого-то ищите, мэ-
дью?

— Ну... не кого-то, а что-то. Книги.

— Книги?

Тут уж я вконец растерялась:

— Разве это не библиотека?

— Библиотека конечно же. Лучшая во всем Зазимом королевстве! — важно приосанился мужчина. — Даже его величество время от времени посещает здешнее книгохранилище.

— А мне можно что-нибудь взять почитать? — робко попросила я. — Пожалуйста.

— Ва-а-ам? — протянул библиотекарь, казавшийся растерянным не меньше меня.

— Или это запрещено правилами академии?

Сердце мое замерло, ожидая приговора. Книг хотелось невероятно.

— Не запрещено. Но до сего дня ни одна мэ-дью сюда не приходила за книгами. А служу я здесь без малого сорок лет.

— Возможно, при переходе из других миров передается только вербальная способность к языкам? А читать не получается? — предположила я, про себя молясь, чтобы это было не так.

— Возможно. — В его голосе промелькнул интерес. —

Давайте, мэджю, сейчас и выясним.

Библиотекарь протянул руку, и с ближайшего стеллажа к нему прямо по воздуху приплыл фолиант в кожаном переплете. Аккуратно положив книгу на стойку, он придвинул ее ко мне.

Я с трепетом осмотрела явно старинный экземпляр.

— «История возникновения Академии Триединства Колдовства Зазимого королевства», — прочитала название на обложке и вопросительно посмотрела на мужчину. — Можно открыть?

— Конечно-конечно.

Далее в книге следовало оглавление, пункты которого перемежались красочными иллюстрациями.

— «Краткие биографии создателей академии», «Место найденное и потерянное», «Создание замка в потоках разностихийной магии», — зачитывала я подзаголовки вслух.

— Выходит, никаких препятствий для чтения наших книг иномирянками не существует, — наконец сделал вывод библиотекарь.

— И это просто здорово! — обрадовалась я, не имея сил оторваться от фолианта. — Можно взять почитать?

— Разумеется.

Мне показалось или голос мужчины заметно потеплел?

— О! А вот здесь написано «Кое-что о хани», — неожиданно наткнулась я в оглавлении на очень интересующий меня предмет — про тех, кто попадает в этот мир по зову своих

половинок.

Я принялась перелистывать страницы, но, к моему великому разочарованию, на месте указанной главы оказались девственно чистые листы. Как же так?

— Пусто?

Я подняла глаза на библиотекаря, но тот лишь сочувственно пожал плечами.

— Увы, прекрасная мэдю, я тоже могу прочесть далеко не все книги, имеющиеся в моем ведении. Порой это очень обидно, но остается утешиться тем, что время для некоторых знаний просто не пришло.

— Вы правы, — улыbnулась я. — Стоит ли расстраиваться, когда остальные главы пригодны для чтения и к тому же прекрасно иллюстрированы. — Я с трудом приподняла фолиант и с наслаждением прижала к себе. — Столько удовольствия под одной обложкой!

— Верно, — поддакнул мужчина. — Меня, кстати, зовут Нерасиу. Могу я предложить прекрасной мэдю спокойное, тихое местечко для чтения?

— Очень приятно. Ясмина. Буду вам признательна за заботу.

Библиотекарь чинно спустился с небольшого подиума, на котором до того стоял, и оказался совершенно крошечного росточка, мне по пояс или чуть выше. Под внимательным взглядом сузившихся глазок я постаралась скрыть удивление, вовсе не желая обижать мэда Нерасиу. Видимо, прикле-

ившаяся к моему лицу вежливая улыбка успокоила мужчину, так как он чинно двинулся между рядами стеллажей, жестом пригласив меня идти за ним.

Вряд ли бы я смогла самостоятельно найти себе местечко в библиотеке Академии Триединства Колдовства. Здесь книжные полки служили нишами для диванчиков и столиков, за которыми всюду сидели студенты. Бесконечные переходы складывались в сложные лабиринты, и ни единого свободного уголка!

Но поразило меня не множество народу, это-то как раз наиболее ожидаемо и естественно перед сессией, а то, какая тишина стояла в библиотеке.

— Многие предпочитают ставить магические купола, — объяснил мне мэд Нерасиу, обходя очередной стеллаж, — чтобы и самим не отвлекаться, и других не беспокоить.

Так вот почему ни звука не слышно, хотя некоторые студенты явно что-то обсуждали между собой и даже спорили.

Идти под перекрестьем любопытных и пренебрежительных взглядов парней пришлось довольно долго.

— Гораздо быстрее добрались бы, не наставь маги-недочки своих энергетических стен. Толку ноль, а пройти невозможно. Бестолочи! Половину к Новому году отсеют. Лучше б учились, чем козни друг другу строить, а затем опасаться мести.

— А мне, случайно, ничего из заклинаний не прилетит? — заволновалась я. — У меня ни купола нет, ни стены.

— Не волнуйтесь, — невесело усмехнулся мэд Нерасиу, — у вас, мэдью, есть кольцо хани. Оно от всего защитит.

Я коснулась серебряного ободка. Так вот еще какая у него имеется важная функция. Сердце затопила благодарность к Грэхху. Обязательно вечером скажу ему спасибо.

По привычке хотела прокрутить вокруг пальца колечко, но не получилось — ободок плотно сидел, будто приклеенный. Вроде не давит на фалангу, а сдвинуть не получается. Впрочем, наверное, так и должно быть, к примеру, чтоб не потеряла.

Наконец мы пришли. Все мысли улетучились, стоило мне увидеть низкий столик в окружении мягких диванчиков под навесом книжных полок. Мечта!

— Располагайтесь, мэдью Ясмина, — мягко предложил библиотекарь. Когда он заметил мой неподдельный восторг, уголки его тонких губ дрогнули, обозначив улыбку. Щелчок тонких пальцев, и над нами вспыхнуло несколько огоньков, освещаая пространство. — Так удобнее будет читать.

— Спасибо! Это... это просто сказка!

— Не за что. Закончите, оставьте книгу на столе, — сказал довольный мужчина и исчез. Вот только что стоял рядом, а спустя мгновение будто растворился в воздухе, оставив после себя лишь сизый дымок.

Я благоговейно водрузила фолиант на стол и присела на диванчик. Мягкие подушки приняли меня в уютные объятия. До чего хорошо! Наслаждаясь покоем и одиночеством,

я углубилась в чтение, позабыв про все на свете.

Из благостного состояния меня вырвали резкие мужские голоса. Мышцы затекли от долгого сидения в одной позе, а желудок сводило от голода. За окном стемнело. Сколько же сейчас времени? Я огляделась.

За соседним столиком расположилась компания. Мой укромный уголок им не бросался в глаза, а вот для меня обзор открывался превосходный. Куполом тишины студенты накрылись, видимо, некачественно, так как звуки доносились до меня хоть и глухо, но вполне отчетливо.

— Ходит теперь, задравши нос к потолку, словно совершил подвиг. А всего-то ошипанную курицу вытащил в наш мир. Вы ее видели? Говорят, ни кожи ни рожи.

— Ну столько раз пытался вызвать хани, и наконец-то — успех. Конечно, загордишься. Папочка небось рвет и мечет, ждет сыночка, а тот никак не возвращается в надежде на более престижный диплом.

— Вот и дождались оба. А то, что страшненькая, так можно ж отвернуться или глаза закрыть.

— Ночью под одеялом всяк не видно.

Парни заржали.

— Вот Тренику удалось экзотическую птичку поймать, я понимаю! Девка огонь! Я ее утром в коридоре мельком видел. Прислугу строила. Кри-и-иков! Треник счастливчик! Я б такую и сам с удовольствием оприходовал.

«Так это про хани разговор! А та Белоснежка из коридора,

видимо, половинка некоего Треника», — догадалась я и насторожилась — вдруг что-то важное обронят. Нутром чувствовала, есть информация, которую мне просто необходимо знать, вот только где ею разжиться — ума не приложу.

— Ты сначала вызови, потом приходишь.

— Вот доучусь до высшей ступни и вызову!

— Ага! Всем известно, что создать ритуал Призыва не так просто.

— Кому-то не просто, а кому-то и вовсе невозможно.

— Лично у меня потенциал высокий, так на вступительных сам Бенабеус сказал. Я в своих силах не сомневаюсь.

— Потенциал — еще не гарантия. Девок себе вызвать единицы могут, хотя все сюда приходят с потенциалами.

Какое-то у них пренебрежительное отношение к хани. Не доросли еще до мысли о важности второй половины? Видать, первокурсники. Кто еще мог в магической академии купол тишины с прорехами установить?

— Не помешал?

Холодный насмешливый голос заставил меня вздрогнуть. Уже не в первый раз за день! Если так пойдет, буду узнавать его приближение за версту.

— Вам что-то нужно от меня, мэд? — Я постаралась ответить в том же тоне, даже не повернув голову.

— Ну что вы, моя милая... — Блондин появился из-за ближайшего стеллажа и развалился на диванчике напротив, перекинув ноги через подлокотник. Самодовольная улыбка об-

нажила белоснежный оскал. — Просто проходил мимо...

До чего же он меня раздражает!

— Пожалуйста, не нужно фамильярничать. Я совсем не милая и уж тем более не ваша.

Согласна, тон строгой учительницы не лучший выбор для общения, но в обществе этого типа я отчего-то терялась и не знала, как себя вести.

— Чему я безумно рад!

Вот же хам! Ну, погоди у меня!

— Да, уже в курсе, что вся академия завидует Тренику, который поймал экзотическую птичку. Но я так понимаю, это не вы?

Блондин ухмыльнулся:

— Не я, но на свой улов не могу пожаловаться.

И такой довольный вид. Увы, попытка уязвить мужчину провалилась.

— Моя хани на редкость сообразительная девушка. А вас, мэдью, родители не учили, что подслушивать нехорошо?

Он ждет, что я стану оправдываться? И не подумаю! Мы оба понимаем нелепость его обвинения.

— А вас не учили не навязывать свое общество девушке против ее воли?

Пристальный взгляд. Темная бровь поехала вверх.

— Острый язычок? Любопытно.

Чувствую себя подопытной морской свинкой. Надо сказать, отвратительное ощущение.

— Привыкли к раболепию? Сочувствую.

Длинные пальцы аристократа поигрывали с поясной цепочкой, на которой так же, как и у Грэхха, висели небольшие разноцветные мешочки.

— Не устаю вам поражаться, мэдью. Сначала башня вместо бального зала, куда бросились прочие хани, узнав о предстоящем новогоднем бале, теперь библиотека в то время, когда остальные предпочитают отдыхать и приводить себя в порядок.

— Не переживайте, мэд, я в полном порядке и совсем не устала. Не вижу нужды тратить время на ерунду, ведь это единственный ресурс, который нельзя пополнить или вернуть, — постаралась ответить я как можно сдержаннее, внутренне кипя от возмущения.

— Что же тогда, по-вашему, вы здесь делаете, как не тратите время?

На холеном лице удивление и, если мне не показалось, мимолетное любопытство.

— Сейчас я действительно теряю с вами время, а до того — вообще-то читала.

— Неужели в библиотеке появились любовные романы?

— Вам незнаком экземпляр «Истории академии»? — Я демонстративно покрутила перед его носом огромным фолиантом. — Жаль, в таком случае вы пропустили много интересного.

— Разумеется, знаком. Историю в полном объеме прохо-

дят на первом курсе.

Нет, он совершенно непрошибаем!

— Но я не мог поверить глазам и был уверен, что просто ошибся. Женщина, и вдруг с серьезной книгой? А-а-а! Вы, наверное, имели в виду, что любовались картинками?

Все, мое терпение подошло к концу.

— Давайте начистоту, мэд. — Я изо всех сил сдерживала крепкие выражения, так и норовящие слететь с языка. — Чем я вам так досадила, что вы цепляетесь ко мне, пытаетесь каждой фразой задеть? По-моему, неучтиво сегодня утром поступили как раз-таки вы, забрав Альву, сопровождавшую меня в прогулке по замку. И что же я получаю вместо извинений? Нападки и оскорбительные намеки. Смотрю ли я картинки, читаю любовные романы или подслушиваю студентов, не сумевших поставить нормальный купол тишины, вас это никоим образом не касается. Потому, будьте добры, освободите себя любимого от неприятного вам общества в моем лице.

— Ого! Вот это речь! Вот это темперамент! — присвистнул блондин. — И чем же Грэхх заслужил такую хани?

— Тем, что сумел вызвать!

Мурашки побежали у меня по телу от звука уже хорошо знакомого божественного голоса.

Глава 3

Я в предвкушении обернулась и взглядом облизала подтянутую фигуру, собранные в хвост темные волосы, породистое скуластое лицо. Остановившись на чувственных губах, я не могла оторваться от рассматривания красивого абриса, нежной розовой кожи, в красках представляя, как касаюсь их языком... Из эротических фантазий меня вернуло на брентную землю язвительное замечание блондина:

— Ну да. Напомни, с какого раза ты ее вызвал?

— Свою вторую половину можно прождать всю жизнь! — несколько пафосно ответил Грэхх, нахмурившись и настороженно поглядывая на меня. — Самое главное, что у меня все-таки получилось!

— О, нижайше прошу прощения, — отвесил шутовской поклон блондин, при этом умудрившись даже не приподнять пятую точку с дивана. — Как я мог не заметить учебников в твоих руках! Мы же ступили на путь исправления и старательно наверстываем упущенное.

— Я-то хоть готовлюсь к экзаменам, а вот ты что здесь делаешь? Пристаешь к чужой хани? Пытаешься очернить меня в ее глазах? — Грэхх нервничал все сильнее, я это ощущала почти физически. — Рыбонька, он тебя чем-то обидел?

Я ласково улыбнулась любимому, и складка на его напряженном лбу немного разгладилась. Мое раздражение на од-

нокурсника Грэхха — никем другим блондин, имея хани, не мог быть — еще больше вспыхнуло из солидарности с любимым. Однако я не собиралась поддаваться собственной слабости и сталкивать лбами тех, кого и так нельзя назвать друзьями.

— Все хорошо. Мэд просто ошибся диваном.

— Пойдем отсюда. — Схватив за руку, Грэхх спешно вырвал меня из мягких объятий подушек, даже не замечая, что действует резко и грубо.

С моих колен почти упал драгоценный фолиант, который за секунду до соприкосновения с полом не иначе как чудом успел подхватить блондин.

— Не стоит расшвыриваться имуществом академии, Нерасиу этого не потерпит, — ядовито заметил он. — Не думаю, что задержка с выдачей диплома порадует королевского казначея.

— Закрой пасть, Лорн, или я тебе ее запечатаю... — мгновенно взбеленился Грэхх.

— Не стоит бросаться угрозами, — по-прежнему спокойно отозвался блондин, лениво смахивая несуществующую пылинку с фолианта, — особенно если не в состоянии их выполнить. А мы с тобой оба знаем, что не в состоянии — учиться нужно было, а не прогуливать с...

Местный «переводчик» в который раз подкачал, выдав звуковую абракадабру.

На висках Грэхха вспухли вены, а желваки заиграли от

сдерживаемого гнева.

— Я не нарочно. Просто книга выскользнула из рук, — затараторила я, пытаясь погасить зарождающийся конфликт. — Большое спасибо, мэд Лорн, что выручили меня. Не простила бы себе, если испортила бы этот роскошный раритет. Еще раз спасибо...

— Рари... как? — мягким тоном переспросил Грэхх, настойчиво увлекая меня к выходу. — Что ты вообще здесь делала, рыбонька моя? Зачем тебе понадобилась «История академии»? Картинки рассматривала, девочка?

Покраснев, я успела перехватить насмешливый взгляд блондина. М-да, мужской шовинизм здесь цветет буйным цветом. А Грэхху мне даже не пришлось отвечать, он самозабвенно вещал о собственных успехах в учебе, даже не дожидаясь от меня какой-либо реакции на его слова. Впрочем, вряд ли бы я смогла сказать ему нечто внятное, так как, замороженная чарующим голосом, вся обратилась в слух. Наслаждение было столь пронзительным, что отвлекаться на прочие неважные вещи казалось кощунством.

Я даже не обратила внимания, как мы дошли до покоев Грэхха, а в себя пришла, лишь когда за спиной захлопнулась массивная дверь. Кажется, последними словами мужчины было что-то вроде: «Не жди меня, ужинай и ложись спать». Вот так поманил и исчез. А мне придется набраться терпения и до новогоднего бала искать себе занятия, которые отвлекут от мыслей о мужчине, который похитил мое

сердце.

На столе стоял поднос с нетронутой едой, по-видимому мой пропущенный обед. Не присаживаясь, я отправила в рот крошечный пирожок и запила соком из неизвестного мне фрукта. Вку-у-усно-о-о! Уничтожив таким же образом несколько канapé и пирожных, отправилась в ванную, а вернувшись, обнаружила в комнате Альву. Девочка убирала со стола тарелки с холодной едой и выставляла новые, исходящие паром.

— Спасительница! — возопила я и бросилась к столу.

Дуя на горячую пищу, откусывая и обжигаясь, толком не прожевывая, я жадно заглатывала свежеприготовленные блюда. Блаженство! Надо же было так проголодаться!

— Ты извини, я сегодня поздно, — повинулась Альва. — Только сейчас освободилась. Решила заглянуть, проверить, все ли в порядке, и как чувствовала, что ты не стала никого беспокоить звонками и сидишь без ужина.

— Сфонками? — пробормотала я с набитым ртом.

— Ну да. Если что-то нужно от прислуги, дергают звонок. — Девочка указала на красивый витой шнурок, кончик которого венчал золотой бубенчик. — Такие в каждой комнате. А ты не знала? Мэд Грэхх не сказал?

— Не-а.

— Это очень удобно. Обязательно пользуйся, если возникнут какие-то вопросы или указания. — Девочка замялась. — Или как сегодня, когда я не успевала выполнить дан-

ные мне распоряжения и понадеялась, что ужин тебе принесет кто-то другой...

— Да не переживай. Я только вернулась. А голодная из-за того, что пропустила обед. Лучше скажи, почему крутишься среди хани одна-одинешенька, раз прислуги много? Ты же сама говорила, что на подхвате в любой момент другие девушки имеются?

— Ты меня неправильно поняла, я не одна. Просто металась между хани мэда Треника и хани мэда Лорна. К двум другим хани, я видела, заходили Марошш и Летка. А вот ты, как выяснилось, осталась без ужина.

— Не осталась, спасибо тебе, вон сколько всего принесла. — Я кивнула на стол и предложила: — Присоединяйся. И не говори, что уже поужинала, сама призналась о сплошной занятости. Мм... Божественно! В жизни не ела ничего подобного!

— Вообще-то нам не положено...

— Ерунда!

Альва немного помялась, стоя рядом и бросая голодные взгляды на меня, уплетающую вкусности за обе щеки. И не утерпела. Скромно положив на тарелочку несколько закусок и ложку рагу, она принялась изящно есть, попутно отвечая на мои вопросы.

— Расскажи, будь другом, кто распределяет, какая девушка какой хани прислуживает? — не могла сдержать любопытства я.

Альва прожевала и промокнула губы салфеткой.

— Никто. Позвонок, определяя, кем был сделан вызов, отправляет запрос в определенную комнату. Например, комната, в которой я живу, в этом году отвечает за обслуживание хани. Первой откликаюсь я, затем остальные в зависимости от того, кто и когда появился в академии.

— Но почему ты разрываешься между двух хани?

— Все просто. Они зовут не просто обслугу, а именно меня.

— Голоса на весь коридор?

Альва хихикнула:

— Бывает и так. Но на самом деле у всего обслуживающего персонала есть зачарованные кулоны. Благодаря им мы получаем срочные указания от начальства и персональные вызовы хани, если предыдущую работу уже выполнили.

— Но утром за тобой пришел...

— Мэд Лорн, все верно. Это потому, что его хани не могла меня дозваться, ведь я была с тобой и выполняла твое распоряжение сопровождать на прогулке.

— Но ты не закончила, а ушла! — возмутилась я.

— Ты меня отпустила.

— А могла не отпускать?

— Могла.

— И тогда бы...

— Тогда я осталась бы с тобой, и никто ничего не смог бы с этим поделать. Мне надлежит выполнять любую прихоть

любой хани. Но в порядке очереди.

— Вот я лоханулась! Нет, я понимала, что остаюсь в пролете. Но чтобы настолько!

Альва пожала плечами. Думаю, спрашивать, почему девочка мне даже не намекнула на возможность настоять на своем, не имело смысла. Бедняжка — птица подневольная.

— Слушай! — осенило меня. — А если я пожелаю сейчас, чтобы ты была в моем единоличном распоряжении?

— Так не работает. Хани мэда Треника и хани мэда Лорна с самого начала подобное пожелание озвучили, но ничего не вышло. Я по-прежнему, как заканчиваю распоряжение одной, сразу слышу приказ другой. Так и бегаю по очереди из покоев в покои, хорошо хоть друг против друга находятся.

Я ненадолго призадумалась. А что, если...

— Давай просто перефразируем в виде задания с ограничением сроков. Скажи, у тебя есть законное время сна и отдыха, ну когда ты можешь не слушаться приказов?

— Нет. Я сплю и ем, пока хани во мне не нуждаются.

— Прекрасно! Тогда я буду нуждаться в тебе постоянно! Альва... — Я сделала длинную театральную паузу и важно продолжила повелительным тоном: — Приказываю тебе составить мне компанию... до наступления новогоднего бала.

У девочки от удивления смешно вытянулась мордашка.

— А как же ночью? Я тоже буду составлять компанию?

— Ночью я тебя буду отпускать на перерыв с приказом вернуться поутру. Годится?

— Наверное. — Альва заметно повеселела. — Быть может, действительно получится.

— Будем надеяться!

Уже совсем в другом настроении девочка продолжила ужин, и я с более легким сердцем вместе с ней.

После еды Альва настояла, что приготовит для меня ванну. Я совершенно не понимала, к чему мне подобное излишество, ведь здешние банные устройства мало чем отличались от земных — легко самой справиться. Но после того, как погрузилась в высокую розовую пену и ощутила неземное блаженство, в полной мере осознала зависимость некоторых хани от услуг этой робкой трудолюбивой девочки.

— Ты просто волшебница, — выдохнула я, наслаждаясь букетом ощущений: тонким цветочным ароматом, идеальной температурой воды, шелковистым прикосновением радужных пузырей к ставшей невероятно чувствительной коже.

— Ничего сложного. Меня мама Лена научила, в каких пропорциях какие эликсиры нужно соединять. Захочешь — и тебе расскажет. Потом.

Потом? Мысли вяло ворочались, не позволяя вникнуть в смысл. Да, лучше это оставить на потом. Наверное, Грэхху будет приятно, если я научусь делать для него столь восхитительную ванну.

Альва выудила меня размякшую и расслабленную из остывающей воды спустя полчаса. Ноги не держали в верти-

кальном положении, а глаза предательски закрывались. Меняхватило лишь на то, чтобы доплестись до кровати и пожелать:

— Приказываю тебе, Альва, хорошенько отдохнуть. После того как выплешься и совершишь необходимые личные гигиенические процедуры, приходи ко мне с завтраком, продолжишь составлять компанию.

Расплывшись в счастливой улыбке, девочка упорхнула.

Я смежила глаза, а когда открыла, уже наступило утро. Нетронутая половина постели указывала на то, что Грэхх снова здесь не ночевал. И если вчера я к этому факту отнеслась спокойно, то сегодня его отсутствие меня здорово расстроило. Не так я себе представляла наше совместное проживание. Конечно, учеба — дело святое, но так хотелось проводить вместе хотя бы немного времени.

Так, стоп! Отставить нюни! Нужно занять себя чем-то полезным, чтобы не страдать от недостатка внимания мужчины, пусть даже и столь идеального, как Грэхх.

Пока умывалась, я мечтала о том, как до обеда буду гулять с Альвой по академии, а затем снова наведуясь в библиотеку. Но планы пришлось скорректировать. Стоило мне выйти в гостиную, как меня ошарашил нежный голосок:

— Хорошо, что ты наконец проснулась! Я уже собиралась тебя будить. — Альва в нетерпении приплясывала вокруг напольной вешалки с платьем, еще вчера мне обещанным мамой Леной. — Времени осталось лишь быстро позавтракать

и одеться. А потом хани ждут в общем зале.

— Зачем? — поинтересовалась я, запрыгивая в протянутые мне кружевные панталончики.

— Небось объявление сделать хотят. — Альва опустилась на колени и завязала над моими коленями ленты. — И опаздывать не стоит, так как можно пропустить что-нибудь важное.

— Умереть не встать, мода нижнего белья! — возмущилась я. — Как же девушке самостоятельно справляться с одеждой, если нет никого рядом для помощи?

— У богатых всегда есть слуги, — деловито пояснила девочка, шнуруя на моей спине корсет, — а у бедных одежда попроще, без бантиков и шнурочков.

— А можно и мне белье попроще? — с надеждой попросила я.

— Можно, — легко согласилась Альва. — Но позже.

— Когда?

— Ну, — замялась она, — не сейчас. Как можно будет, так я тебе сразу и принесу. Хорошо?

— Договорились!

Уничтожив тарелку каши и бутерброд с сыром, я умчалась на собрание хани, а Альва получила распоряжение закончить завтрак, прибраться и ждать меня для прогулки по академии.

Общий зал я нашла довольно быстро, мало того что он располагался на том же самом этаже, где и апартаменты вы-

пускников, так еще и девичьи возмущенные возгласы разносились по всему коридору. Мне оставалось положиться на слух.

У двери я встретила еще с одной хани, которую сопровождала знакомая мне Глаша.

— Всем здравствуйте! — поприветствовала я девушек.

Рыжеволосая, хрупкого телосложения хани окинула меня равнодушным взглядом и, чуть сморщив крошечный, весь в веснушках носик, процедила:

— Здравствуйте.

Голосок у нее был хоть и приятный, но пренебрежительный и отстраненный. Задрав точеный подбородок и расправив острые плечики, девушка остановилась, ожидая, пока перед ней откроют дверь.

— Здравствуйте, — глухим эхом повторила Глафира. Подмигнув мне и скорчив рожицу за спиной хани, она поспешила отворить тяжелую дверь в зал.

Голоса спорящих хлынули в коридор, оглушая и дезориентируя.

Бушевал, как я изначально и подумала, клон Белоснежки — хани мэда Треника. В этот раз она сцепилась с пухленькой миловидной девушкой невысокого росточка. Белоснежка яростно нападала, сыпля оскорблениями, которые были бы более уместны от представительницы древнейшей профессии, нежели из уст столь нежного и прекрасного создания в стенах академии. Пышка с кудрявой каштановой ше-

велюрой вяло отбивалась, демонстрируя лучшее воспитание по сравнению с оппоненткой, но при этом не давая той спуску, а ушам окружающих — отдыха от криков.

Мы с рыжеволосой прошли вдоль стеночки в большой и роскошно убранный зал, невольно наблюдая за происходящим.

— Да знаешь ли ты, чернь, с кем разговариваешь? — верещала Белоснежка, хороводя вокруг Пышки. — Я эверских кровей, да будет тебе известно, крыса помоечная! Да такие, как ты, жирные гниды даже подойти ко мне боялись.

— Я тоже боюсь, — ничуть не впечатлившись, захохотала противница, представляя нашему взгляду очаровательные ямочки на щеках и крепкие белые зубы. — Из тебя так и хлещет грязь, как бы не испачкаться!

— Что-о-о? Да как ты смеешь при мне рот свой открывать? Ты, мерзость водосточная! Я тебе не позволю прикоснуться даже к подошве моих туфель, личинка обожравшаяся.

— О боже! Я в печали! — кривлялась землянка, откровенно насмехаясь над иномирянкой. — Как же я теперь без твоих туфель проживу!

— Да я тебя!.. — Видать, у девицы не хватало фантазии, потому что ненадолго наступила благословенная тишина, нарушаемая пофыркиванием и шумным дыханием разъяренной фурии.

— Твои угрозы так страшны, честное слово, звезда в шо-

ке! — подначивала ее соперница.

И Белоснежка не вынесла столь пренебрежительного отношения к собственной бесценной персоне. Она кинулась к насмешнице с растопыренными пальцами, ногти на которых оказались длинными и остро заточенными. Пышка, несмотря на свою комплекцию, плавным движением ушла из-под удара, по-прежнему весело хохоча. А дебоширка пролетела мимо, одолев несколько метров, после чего свалилась на девушку в голубом.

Только сейчас я заметила на противоположном конце зала пятую хани. Она царственно восседала в кресле, сложив руки на подлокотники. Гордая осанка и отсутствие эмоций на лице делали ее похожей на Снежную королеву даже больше, чем пепельно-белые волосы и льдисто-голубые глаза. Обнаружив на коленях скривившуюся от злости Белоснежку, она равнодушно стряхнула с себя бьющуюся в истерике особу, но глаза ее при этом так сверкнули, что и без слов было ясно — подобного оскорбления она не забудет.

Дикий визг, от которого закладывало уши, прервало появление в зале нового лица.

— Немедленно прекратить! — прошипела женщина без возраста, сузив и без того маленькие глазки. Ее цепкий взгляд прошелся по всем девушкам и остановился на Белоснежке.

Как ни странно, та послушалась, умолкнув.

— Доброе утро, дорогие, я бы даже сказала, бесценные на-

ши хани! — совсем другим, сладеньким тоном пропела женщина, изобразив на лице приторную улыбку. Сшитая со вкусом одежда, замысловатая прическа и самое главное — обилие драгоценностей — говорили о том, что перед нами важная персона. — От лица всей академии и Зазимого королевства я рада приветствовать вас в нашем мире. Я — мэдью Ветта, ваш куратор на время до новогоднего бала. Вы можете обращаться ко мне с любыми вопросами, просьбами и проблемами.

Она сделала паузу, словно ожидая аплодисменты, покрутилась в разные стороны, рассматривая хани, после чего, манерно взмахнув холеной ручкой, предложила:

— Давайте устроимся вот здесь, на удобных креслах и диванах.

Указав на мебель возле камина, где уже восседала Снежная королева, женщина заняла центральное местечко. Я не стала ждать повторного приглашения и устроилась в кресле.

— Ну же, девочки, дорогие, не стесняйтесь, — подбодрила замешкавшихся Ветта. — Присаживайтесь, хорошие мои.

Оставшимся хани пришлось довольствоваться диванчиками. Один неохотно присвоили Пышка и рыжеволосая, на другом сидела куратор, и на лице Белоснежки отразилась вся гамма негативных чувств — от недовольства до брезгливости.

— Всем удобно? Начнем? — предложила мэдью Ветта, как будто не замечая, что Белоснежка продолжает стоять.

Деваться той оказалось некуда, поэтому с гордым видом великомученицы девушка двинулась к оставшемуся месту. Но, проходя мимо Снежной королевы, зацепилась носком туфельки за струящуюся голубую ткань, лежащую на пути, запуталась и совсем неизящно распласталась в проходе между креслом, столиком и диваном, раскинув в стороны конечности. Грохот был такой, словно мамонта свалили на охоте. А затем раздался хохот, сравнимый разве что с радостными воплями первобытных охотников, заваливших этого самого мамонта. Смеялась, разумеется, Пышка.

Произошедшее вполне можно было бы списать на неловкость и невнимательность Белоснежки, кипевшей от злости и негодования, если бы за пару секунд до грандиозного падения я не заметила, как Снежная королева выставила вперед ножку и расправила складки подола, в который и попалась хани мэда Треника, а после — скользнувшую по губам ядовитую улыбочку, скорее даже тень улыбки. Отомстила! Мда, лучше от змеюки держаться подальше.

— О-о-ох, милочка! — воскликнула мэдью Ветта, даже не попытавшись оказать помощь или хотя бы подать руку барахтающейся у ее ног девушке. — Нужно быть осторожнее! Ваша жизнь дороже всех богатств мира!

Наконец Белоснежка справилась со своими конечностями, встала на четвереньки, а там и до дивана добралась. Нужно отметить, спеси в ней не убавилось ни на каплю. Пристроившись на самом краешке диванчика, она брезгливо поко-

силась на куратора. Весь вид хани кричал о вынужденном соседстве с черствой женщиной, не желающей войти в положение высокородной эверки — бог знает что за раса такая — и уступить место целиком.

— Как вы уже, наверное, имели возможность узнать, мои драгоценные, — продолжила как ни в чем не бывало мэдьо Ветта с наигранным восторгом, — каждая из вас — желанная и долгожданная гостя. Любые ваши пожелания здесь готовы исполнять при первом же озвучивании. Для всех большая радость услужить хани!

— Ну да, — фыркнула Белоснежка, — ваших служанок не дозовешься!

— Хани Треник, вы слишком строги, — пожурила девушку куратор. — Я слышала, что услуги Альвы весьма востребованы, но поверьте, кроме нее в замке много и другой не менее умелой и ловкой прислуги. Дайте шанс прочим горничным показать свое мастерство. А Альва, как и прежде, будет приходить на вызовы хани в порядке очереди.

— Мне? В общую очередь? — снова стала заводиться эта скандальная особа.

— Все хани для нас одинаково важны! — осадила ее женщина. — Мы никого не выделяем и не принижаем. Забудьте, кем вы были в своем мире, здесь вы все — хани, священные девы. Для нашего мира и вызвавших вас мэдов вы — великая удача и милость богов.

О как! Недолго и возгордиться! Впрочем, уже. Пышка

выпрямила спинку, а рыжеволосая задрала еще выше подбородок. Для Белоснежки, похоже, сказанное прошло мимо ушей, так как она продолжала недовольно хмуриться. А вот Снежная королева даже бровью не повела, будто информация для нее оказалась ненова.

— Поэтому, дорогие мои, любой ваш каприз исполнят, а проступок простят, кроме единственного: хани неприкосновенны и вред им строго карается. — Куратор строго посмотрела на сидящую рядом девушку.

Белоснежка правильно поняла намек и закатила глаза.

— И что вы сделаете нарушительницам? Сами же сказали, хани священны и неприкосновенны.

— Много чего можем сделать, — ласково промурчала мэдю Ветта. — К примеру, лишим драгоценностей, которые каждая хани получает к новогоднему наряду из сокровищницы академии.

— Вы шутите? — усмехнулась Белоснежка.

— Стоимость украшений такова, что вам вряд ли доведется хотя бы еще разок надеть нечто подобное. Потому не советую разбрасываться этой уникальной возможностью.

— Треник достаточно богат, чтобы дарить мне любые драгоценности! — хвастливо заявила девица.

— Действительно, студенты нашей академии происходят, как правило, из состоятельных семей. Вот только, замечу, деньги принадлежат не им, а их родителям, соответственно мэды пока ничего не могут вам купить и подарить. Впрочем,

украшения, милостиво предложенные мэдом Бенабеусом, по карману лишь верхушке знати. Кстати говоря, отец Треника в нее не входит. А потому, бесценные мои девочки, ведите себя с достоинством, так оно гораздо выгоднее выйдет.

Послышался твякающий неприятный звук — куратор рассмеелась собственному «остроумному» выражению.

— Теперь о деле. Как вы, верно, знаете, меньше двух недель осталось до новогоднего бала. На него по традиции собираются все обитатели академии. Так как несколько раз были некрасивые сцены и хани, не знающие наших обычаев, начинали возмущаться из-за появления среди танцующих кого-то из обслуги, хочу предупредить прямо сейчас: студентов и мужчин-преподавателей в замке гораздо больше, чем хани в самый урожайный год, а потому даже при всем желании и старании вы не сможете уделить внимание каждому. Кроме того, ваша задача быть парой своему мэду, а не развлекать чужих. Все хани с партнерами становятся в новогодний вечер центром внимания и поклонения. Вы должны быть безупречны: одеждой, прической, манерами. Необходимый для бала этикет и несколько танцев вы разучите вместе со мной. Я приглашаю вас и ваших мэдов встречаться в этом зале каждое утро. От вас — вовремя прийти на урок. От меня — знания и партнеры, если вы окажетесь без пары, все-таки для выпускников сейчас конец не только года, но и всего обучения. У вас вопрос, милочка? — Женщина наконец заметила ерзающую на диванчике Пышку.

— Да. Мм... мэдью...

— Ветта, — мягко подсказала ей куратор, старательно растягивая улыбку.

— Да, спасибо, мэдью Ветта. Я хотела спросить, почему студенты будут вынуждены веселиться с прислугой, в то время как могли бы пригласить на бал равных себе?

Вот уж не думала, что и эта страдает снобизмом.

— Хани мэда Проулла, все не так просто, как кажется на первый взгляд. Дело в том, что попасть в академию практически невозможно. Врата открываются для одаренных в день зачисления и в день выпуска. Но, повторюсь, для них и только для них. Никого другого, будь то родственники или возлюбленные, врата не пропускают. По той же причине весь персонал — либо сильные маги, либо иномирные переселенцы. Те из студентов, кто достиг шестого уровня, как правило, умеют открывать порталы и становятся условно независимыми от врат академии, они отсылают весточки семье, отбывают на каникулы, но опять-таки с собой провести никого не могут. Это высший уровень, доступный некоторым выпускникам десятого года обучения и преподавателям. Но как раз им и нет нужды кого-то приглашать на бал, так как их мастерство позволило вызвать хани. — Последнее слово женщина произнесла с придыханием.

— Мэдью Ветта, — манерным голоском спросила рыжеволосая девица, — вы говорили, что нам полагаются почести...

Серьезно? Когда об этом упоминалось? Я что-то пропустила?

— Я... э-э-э... — немного растерялась куратор.

Видать, тоже про почести ничего не слышала, хоть ей и приписали упоминание оных.

— Ну какие знаки внимания и отличия нам полагаются на балу? Чем-то же мы должны отличаться от прислуги кроме внешнего вида?

— Разумеется, хани мэда Рыниуса, — быстро нашлась женщина. — Вы будете отличаться хорошими манерами и...

— Неужели нас никак не выделяют? — возмутилась Белоснежка.

— Выделят, хани мэда Треника, выделяют, — успокаивающе заворковала куратор. — Вы войдете в главный зал под особую музыку, каждую пару представят присутствующим, а затем будет ваш первый танец...

— Мой танец? — строго и требовательно уточнила Белоснежка.

— И ваш тоже, хани мэда Треника. Сначала все пять пар будут кружиться одни, а потом присоединятся и остальные желающие потанцевать. Но будьте уверены, вы весь вечер будете в центре внимания.

Похоже, последние слова примирили девушек с не особо заманчивыми перспективами, так как больше вопросов или претензий не поступало.

— Ну, драгоценные мои, быть может, кто-то еще хочет

задать вопрос? Я, конечно, понимаю, самое необходимое рассказали ваши мэды, но вдруг вас что-то заинтересовало именно сейчас...

— Заинтересовало, — откликнулась я неожиданно даже для самой себя.

— Да-да, хани мэда Грэхха, — подалась ко мне куратор, демонстрируя внимание.

— Почему вместо имен вы называете нас хани мэда... и добавляете имя пары? — произнесла я вслух, а про себя добавила: «Будто мы собственность. Даже у собак и коров есть клички, у нас же обозначение принадлежности к тому или иному студенту». Озвучивать подобные мысли, понятное дело, не стала, не хотелось провоцировать некоторых особ — чего доброго, снова раскричатся, попробуй угомони потом. Но даже произнесенных во всеуслышание слов хватило, чтобы маленькие неприятные глазки мэдью Ветты забегали.

— Как я не раз говорила, хани священны, — делая длинные паузы, принялась выкручиваться куратор. — Вы все имеете большое значение, особенно для своих мэдов, поэтому...

— Да понятно же, — перебила ее Белоснежка, — по именам женихов и невест называют, чтобы не путаться.

— Можно сказать и так, — облегченно выдохнула женщина и поспешила сменить тему: — А теперь, раз уж все вопросы закончились...

— Не совсем, — подала голос Пышка. — Откуда вы зна-

ете, где чья хани? Нас же не представляли вам.

— Ох, хани мэда Проулла, — усмехнулась мэдью Ветта подобному вопросу, — прошу, пусть это останется моим маленьким секретом. А теперь давайте приступим к нашим занятиям.

Урок этикета оказался совершенно несложным и малоинформативным. Куратор нам больше рассказывала, как должны себя вести служанки с мэдами и мэдью, нежели правила для хани на балу. Вся наука сводилась к тому, что первым полагается терпеть и выполнять приказания, а вторым наслаждаться вседозволенностью. Уверена, после первого же занятия некоторые хани обнаглеют еще больше, чем прежде.

Для себя я сделала вывод — при следующем же посещении библиотеки стоит попросить у мэда Нерасиу книгу по местному этикету, больше толку будет.

Самое любопытное, что, практически не давая никаких знаний, мэдью Ветта вещала взхлеб, не умолкая ни на минуту. С упоением, прикрыв глазки, втолковывала нам о важности своих уроков и той благодарности, которую мы непременно испытаем, когда придется вспомнить и применить на практике услышанное из ее уст.

— Очень надеюсь, вы все поняли и запомнили, бесценные мои хани, — завершила длиннющий монолог куратор.

— У меня с памятью плохо, — вдруг виновато улыбнулась рыжеволосая, — можно еще раз коротко повторить, как должны вести себя хани на балу?

Браво! А я вот не решилась так откровенно намекнуть на бессмысленность лекции.

Тонкие ноздри мэдью Ветты раздулись от возмущения.

— Да, пожалуйста, можно резюмировать столь полезный урок? — поддержала я хани мэда Рыниуса.

Бросив на меня строгий взгляд, куратор собиралась ответить, и, подозреваю, не очень вежливо, но другие девушки неожиданно принялись поддакивать:

— О, было бы здорово! Да-да, просим вас, просим.

Мэдью Ветта с явным усилием растянула губы в улыбке:

— Конечно, хани.

На ее лице промелькнуло раздражение. Женщина судорожно соображала, что же нам следует сказать. Вспомнив, как сама однажды пришла на экзамен, совершенно не подготовившись из-за романтического свидания, я даже немного пожалела эту растерявшуюся мэдью.

— Хани не должны отходить от своих мэдов, — наконец начала она перечислять правила поведения на балу, — а если будут приглашать на танцы другие мужчины, полагается отказываться. Важно быть доброжелательными и вежливыми со всеми. Новогодняя ночь — большой праздник, и портить окружающим настроение и уж тем более устраивать скандалы — сущий моветон. Что еще... Не советую громко смеяться и говорить. Ну само собой, не забывайте соблюдать меру в спиртных напитках, мило улыбаться и держать спину прямо. Хани мэда Лорна могла бы послужить вам примером

идеальной осанки.

Белоснежка громко фыркнула, недовольная тем, что кто-то оказался лучше ее. А я подумала, до чего отмороженный блондин и Снежная королева подходят друг другу. За все время длинной лекции хани мэда Лорна ни разу не сменила ни позы, ни выражения лица — сидела точно статуя самой себе.

— Надеюсь, я достаточно понятно и полно ответила на интересующие вас вопросы, дорогие мои, — произнесла, скорее не спрашивая, а утверждая, куратор, поднимаясь с диванчика, к тому же так взглянула на каждую хани, что, если у кого и оставались невыясненные моменты, они предпочли их оставить на потом. — В таком случае до завтра, встречаемся в это же время...

И надо же мне было встать! Я совершенно случайно перекрыла проход пытающейся улизнуть женщине, одновременно уточнив:

— Это в какое?

— Что? — не поняла меня мэдью Ветта, удивленно хлопая глазками.

— Вы сказали, завтра встречаемся в это же время. В какое «это же»? — пояснила я, вежливо отодвинувшись. И вовсе ни на кого не собиралась давить, просто так неловко вышло...

Куратор тут же воспользовалась предоставленной возможностью и проскользнула мимо, бросив:

— Вам прислуга сообщит.

Хлопнула тяжелая дверь. На минуту зал погрузился в тишину.

— Быстро же она слиняла... — задумчиво пробормотала рыжеволосая хани.

— Стали лишние вопросы задавать, вот и слиняла, — снисходительным тоном ответила Пышка. — Хорошо хоть что-то рассказала, могла бы и...

— Зачем нас вообще было собирать, если не делиться информацией? — Рыжеволосая разговаривала вроде как сама с собой, ни к кому конкретно не обращаясь, но ей снова ответила хани мэда Проулла:

— Так положено. Не будет же она спорить с начальством. Ей небось еще и приплачивают за вынужденное кураторство.

— Вынужденное? — подала голос я.

— Конечно, вынужденное! Ты еще сомневаешься? Да нас, хани, в академии все терпеть не могут.

— За что? Вроде, наоборот, пытаются убедить в незаменимости и ценности.

— Вот именно! Завидуют, — легкомысленно отозвалась Пышка и проводила глазами Снежную королеву, вышедшую из зала молчаливым привидением.

Кивнув каким-то своим мыслям, за ней последовала рыжеволосая хани мэда Рыниуса, так же не проронив ни слова. Белоснежка доставить такого удовольствия, как покинуть наше общество молча, просто не могла. Она в который раз за утро громко фыркнула и прошествовала к двери и перед

тем, как выйти, заявила:

— Мы еще с тобой не закончили, шавка!

Зыркнула на Пышку и моментально скрылась.

Пышнотелая хани лишь рассмеялась, закатив глаза к потолку. Я было собиралась, пользуясь моментом, познакомиться с девушкой поближе, как она сказала:

— Ну пока! — и вышла вслед за другими.

М-да. Подружек, похоже, мне среди хани не найти. Да и ладно. Альва по своей сердечности и прямоте не сравнится ни с одной студенческой невестой. Пора и мне идти — девочка наверняка заждалась.

Но когда я вернулась в покои Грэхха, оказалось, что торопилась совершенно зря.

Глава 4

Альва сладко дремала, скрючившись в неудобной позе на стуле с гнутой спинкой. И стоило мне тихонько прикрыть за собой дверь, как девочка вскочила на ноги, сонно протирая глаза.

— Я не хотела тебя тревожить. Извини. Если бы заранее знать, что ты спишь, можно было пойти в библиотеку или задержаться в общем зале...

— Ох, не приведи Господь! Если бы кто-то меня увидел бездельничающей, да еще сидящей на мебели мэда Грэхха...

Так хорошо, что ты вернулась вовремя!

— Но я тебя разбудила. — Меня не покидало чувство вины.

— Не ты, зачарованный кулон. Он отслеживает выполнение приказов. Ты, уходя, сказала, что я должна дожждаться твоего возвращения для следующего задания — сопровождения по академии. Ты вернулась — он меня разбудил. А задремала я не от усталости, просто по привычке засыпать, когда есть возможность.

— Хорошо тогда, — успокоилась я. — Как думаешь, мы с тобой успеем до обеда немного прогуляться? Не хотелось бы питаться холодным да всухомятку, но и сидеть здесь взаперти жутко — будто под арестом.

— Думаю, успеем. Сейчас полдень. До обеда примерно час. Можно сходить в зимний сад.

— Давай! — обрадовалась я. Хоть замок и впечатлял роскошью, средневековыми вещами да волшебными диковинками, мне все-таки не хватало в нем привычных горшков с цветами. Да и посмотреть на зеленый сад посреди зимы — редкое удовольствие.

Альва, довольно улыбаясь, сделала приглашающий жест.

— Покажешь часы? — поинтересовалась я, когда мы вышли в длинный извилистый коридор. — Они сильно отличаются от земных? Время отсчитывается стрелкой или цифры мигают, как у нас на электронных?

— Извини, у меня нет часов. — Ее тоненькие плечики

виновато дернулись.

— Как же так? Работа вроде обязывает к пунктуальности.

— Все важное мне вовремя сообщает зачарованный кулон, а остальное считается излишеством, — буднично объяснила девочка, но, заметив мое вытянувшееся лицо, добавила: — Я прекрасно ориентируюсь по солнцу.

— Какому? — не поняла я. — За окном то выюга, то снежные тучи.

— Солнечная погода действительно здесь редкость, но со временем легко удастся предсказывать время по цвету неба и неясным теням на снегу, которые отбрасывают ледяные глыбы.

Что-то я раньше не замечала никаких глыб, поэтому поторопилась подойти к первому же окну. Бескрайняя снежная степь сливалась с линией горизонта. Все.

— Где? — спросила я.

Как ни странно, Альва меня поняла.

— Внизу. У замка.

Я переместила взгляд вниз и ахнула. Действительно, у основания замка щерились острые глыбы прозрачного льда.

— Словно клыки животного, — прошептала я и, с трудом оторвавшись от необычного зрелища, догнала спутницу.

— Да, смотрится угрожающе, — согласилась со мной Альва. — Только пугать здесь некого. Кто же в здравом уме сунется в Снежную пустыню, да еще в академию к магам. Думаю, эти «сосульки» здесь для оригинального вида. Или в

качестве часов.

— А что, обычных часовых механизмов в здешнем мире нет совсем? — удивилась я.

— Есть. Во всяком случае нечто очень похожее я видела у мэда Бенабеуса, когда однажды прибиралась в его комнате. Обычно мэдью Ветта никого туда не пускает и порядок наводит исключительно сама. Но в тот раз мэд ушел порталом, а она захворала. Лечить себя не дала, вечно боится, что отравят или какую хворь нашьют...

— Погоди-погоди. Зачем ее травить? Кому эта тетка сда-лась?

— Так она же хани самого ректора академии. Считает, ей все завидуют, вот и боится собственной тени. На самом деле даже сильному магу пришлось бы хорошенько постараться, чтобы проломить защиты, которые на нее навешал мэд Бенабеус.

— Мне казалось, хани молодые, — задумчиво протянула я.

Альва весело рассмеялась:

— Так мэд Бенабеус вызвал ее много лет назад!

— А-а-а...

— На самом деле ей о-го-го сколько годков, но выглядит из-за магии ректора преотлично!

— Слушай, раз она хани, так почему же ее зовут мэдью Ветта, а не мэдью Бенабеус? Или хани мэда Бенабеуса? Сегодня на собрании она девчонок именно по мэдам называла.

Есть какие-то тонкости обращения, свойственные этому миру?

Альва расхохоталась.

— Ничего подобного! — захлебываясь от смеха, урывками стала объяснять девочка. — Ей просто лень запоминать ваши имена. Хани появляются каждый год, и помнить имя каждой для нее сложно. А вот студентов, особенно талантливых выпускников, приходится знать. Вот и идет по самому легкому пути, называя имя мэда.

— Может, тогда ты в курсе, откуда она знает, кто чья хани, ни разу не видел нас в лицо?

— Сидела в кабинете у мэда Бенабеуса в день ритуала Призыва, смотрела по его зеркалу на прибывших хани.

— Почему же сам мэд не смотрел?

— Смотрел конечно же.

— Но зачем тогда его Грэхх приводил, раз ректор и так меня видел?

— В зеркале едва внешность можно усмотреть. Тет-а-тет мэд Бенабеус видит человека буквально насквозь. Ну и похвастаться конечно же, все-таки мэд Грэхх не один раз пытался вызвать хани, но до сих пор не получалось. Даже последнюю ступень каждый год повторно проходил, лишь бы иметь возможность провести ритуал еще раз.

Надо же какой настойчивый!

При мыслях о Грэххе у меня потеплело на сердце и острым ноготком принялась скрестись тоска.

— Мм... А про часы что ты говорила?

— Про какие часы? Ах да! В общем, мэдью Ветта позвала меня прибраться в покоях ректора. Вроде как я самая благонадежная. Вот там мне и довелось видеть любопытные часики. Не очень похожи на земные, но думаю, что это они и есть. Со множеством стрелок и непонятными делениями.

— И все? Других нет? А как же тогда народ ориентируется, если не по часам?

— У всех есть зачарованные кулоны, которые вовремя будят, подсказывают расписание студентам и учителям, фронт работ — прислуге.

— То есть в часах просто нет необходимости?

Альва неопределенно пожала плечами:

— Я слышала, что часы вредны для магии, то ли сбивают направление, то ли рассеивают чары... Что-то в этом роде. Не сильна я в подобных вопросах.

Мое внимание привлекли отделанные золотыми барельефами двери. Мало того что объемная картина поражала красотой и множеством мелких деталей, так еще, распахиваясь перед нами, она вдруг запела. Нежный голосок выводил дивную мелодию, от которой у меня мурашки пошли по всему телу, а сердце замерло, не смея стуком нарушить ритм.

Я застыла в дверном проеме.

— Пойдем, — позвала меня Альва из сада. — В дверях можно стоять бесконечно, наслаждаясь песнями Хайнене.

Я переступила порог, и дверные створки мягко закры-

лись, оборвав волшебный мотив.

— Чьи, говоришь, песни?

— Хайнене. Душа замка. Существует поверье, что когда боги создали этот мир, то первым делом устроили себе место для отдыха. А так как все, к чему прикасаются божественные силы, наделено душой, то и замок не был ею обделен.

— И что она делает?

— Да ничего особенного. За порядком приглядывает, по необходимости что-то там ректору докладывает, в студенческих ритуалах участвует. Еще вот песни распевает.

— А Хайнене поет лишь здесь?

— Да. Видать, зимний сад ее любимое место. Мое, кстати, тоже. Посмотри, как красиво!

Сад действительно оказался необычайно красивым. Незнакомые мне растения и яркие цветы, похоже, собранные не только со всего света, но и принесенные из иных миров. Созданные магией водопад, несколько фонтанов и пруд. А также птицы и... бабочки! Последних встретить зимой даже в сказочном замке я никак не ожидала.

Аромат в саду стоял приторно-сладкий, удушающий, и очень скоро мне захотелось на свежий воздух. Обойдя небольшой пруд с лимонно-желтыми цветами, напоминающими кувшинки, мы издалека полюбовались на низвергающийся поток воды, разбивающийся хрустальными каплями о гладкие камни, и Альва потянула меня к выходу.

— Обед. Пойдем, я тебя накормлю, чтобы не говорили

потом, мол, даже одну хани не могу обслужить как надо.

— Пойдем, — облегченно выдохнула я. И снова застряла в дверях.

Голос Хайнене затрагивал неведомые мне ранее струны души, отзываясь в груди неземным блаженством. Казалось, я умираю, растворяясь в пространстве, и вновь возрождаюсь, собирая себя по кусочкам. Ощущения просто невероятные!

— Пойдем же, — тронула меня за руку Альва.

— Это лучшее, что мне доводилось когда-либо слышать, — прошептала я, боясь нарушить сладкую эйфорию, воцарившуюся внутри меня.

— Придумаешь тоже! — усмехнулась девочка. — Разве что-то может сравниться с современной музыкой нашего мира!

Я не стала с ней спорить, а напоследок, уходя, погладила золоченые двери и мысленно поблагодарила Хайнене за маленький праздник души.

После обеда отпустила Альву с наказом отдохнуть и вернуться к ужину для дальнейшего исполнения обязанностей компаньонки, сама же отправилась в библиотеку. Мэд Нерасиу в этот раз не удивился моему появлению, и даже выбор книг, кажется, одобрил:

— «Правила светского этикета», «Основные законы Зазимого королевства» и «Легенды Гзона». Это, мэдью, самые полные сборники на интересующие вас темы. Неужели решили все за сегодняшний день прочесть? — Библиотекарь

хитро прищурился и кивнул на внушительную стопку.

— Ну что вы, мэд Нерасиу, для начала изучу самое главное, а там по мере возможности буду осваивать остальное. Может статься, и в этих книгах для меня не все доступно к прочтению.

— Верно, верно, — вздохнул мужчина. — Позвольте, мэ-
дью Ясмина, вас проводить к месту?

— Я вам так благодарна!

И снова долгий путь под насмешливыми и неприязненными взглядами. Не уверена, что студенты обошлись бы ехидными улыбочками, не вышагивай рядом со мной важной походкой библиотекарь. Стоило ему взглянуть на особо нагло скалящихся личностей, и те скромно опускали глаза.

Меня ждало большое разочарование. Вчерашнее местечко оказалось занято. Блондином. Он вальяжно развалился на диванчике и увлеченно читал. Даже не сразу среагировал, когда мы подошли и поздоровались. То, что не слышал, понятно — купол тишины, но вот чтобы не замечать окружающих, нужно сильно увлечься. Неужели учебники здесь настолько интересные?

Наконец мы с библиотекарем все-таки попали в поле зрения мужчины, темные брови в удивлении взлетели, а губы ожидаемо скривились. Блондин взмахом руки то ли развеял купол, то ли раздвинул для нас, но его приветствие мы прекрасно слышали.

— Уважаемый мэд Лорн, — сказал мэд Нерасиу, — наде-

юсь, вы не станете возражать против компании этой милой девушки? К сожалению, остальные места заняты...

— Какие возражения! — с наигранным энтузиазмом воскликнул тот, вскакивая с дивана и учтиво кланяясь. Шут! — Конечно, располагайтесь, мэдью. Буду рад такому приятному соседству.

Я уже собиралась сказать, что занята, мол, вспомнила про какие-то неотложные дела, когда блондин меня опередил.

— К сожалению, прекрасная мэдью, долго я не смогу наслаждаться вашим обществом, сами понимаете — сессия. Вот-вот начнется очередной экзамен.

— Конечно, — натянуто улыбнулась я и присела на диванчик, напротив которого на столе лежал выданный мне накануне фолиант про академию.

— Вот и замечательно! — расцвел мэд Нерасиу, не замечая притворной вежливости между мной и блондином. Библиотекарь положил на столик толстенные книги и, не слушая моих благодарностей за оказанную помощь, удалился, весьма довольный собой.

А я враждебно уставилась на Лорна, в любой момент ожидая от него словесной гадости. И не просчиталась. Не успел мэд Нерасиу скрыться за ближайшими стеллажами, как ненавистный голос вальяжно произнес:

— И что же снова делает в библиотеке многоуважаемая мэдью? Неужели Грэхх так быстро надоел?

Щеки опалило жаром. Никогда не замечала за собой

агрессивных порывов, и для меня стало откровением неожиданное желание отвесить пощечину этому типу.

— Я так понимаю, вопрос был риторический? — Я сделала вид, что больше интересуюсь принесенными книгами, нежели разговором, и принялась старательно листать лежавшее сверху издание.

— Вовсе нет. Меня действительно мучает любопытство, что может делать в библиотеке молодая девушка второй день подряд.

— Разумеется, искать вашего общества. Как только вас увидела, мэд Лорн, влюбилась до смерти, и вот теперь бегаю за вами по пятам. — Я подняла голову от страниц и взглянула в удивленные глаза мужчины. — Вы ведь это хотели услышать, многоуважаемый мэд?

А он... запрокинул голову и громко расхохотался.

— Вы мне нравитесь все больше и больше, — наконец признался он, отсмеявшись.

— А вы мне — все меньше и меньше.

— Очень жаль. — Вот только проскользнувшее в его голосе самодовольство говорило об обратном. — Я смотрю, сегодня вы набрали новых книг для изучения. Скажите честно, мэтью Ясмина, для чего вам это нужно?

— Что именно?

— Книги, что же еще. Вас настолько мучит жажда знаний?

— Мэд Лорн, а разве вы сами, попав в чужой мир, не по-

пытались бы поскорее узнать о нем как можно больше, чтобы прижиться, приспособиться?

— Вы действительно собираетесь здесь жить?

— А почему бы нет?

— И приспособливаться?

— Я не понимаю, к чему вы клоните.

— Разве Грэхх не наобещал вам звезд с небес и сладкую жизнь?

— Ну предположим... — Я никак не могла понять, на что намекает блондин и какой реакции от меня ждет.

— Так зачем же вам эти знания, — Лорн кивнул на книги, — если все вам подадут на серебряном подносе и с множеством нижайших поклонов?

— В жизни случается всякое. Нельзя вечно надеяться, что кто-то о тебе позаботится, нужно быть и самой готовой к превратностям судьбы. Только так есть шанс выжить.

По мере того как я говорила, глаза собеседника округлялись все сильнее.

— Вы серьезно?

— Чему вы удивляетесь?

— Быть может, проблеску здравого смысла у хани?

— А как же ваша мэдью? Кажется, вы говорили, она весьма разумна.

— Действительно? В таком случае, признаюсь, я подобрал неверное слово. Расчетливая, будет гораздо точнее.

— И, судя по тому, как вы это произнесли, вас подобная

черта характера приводит в восторг.

— Разумеется! Уж лучше расчетливость, нежели сплошное потребительство, жадность и тупость.

— Неужели вы настолько не любите женщин, что видите у них сплошные пороки? Вам так сложно признать у женщины хоть крупицу здравомыслия?

— Вы ошибаетесь, женщин я очень даже люблю.

Он хищным взглядом прошелся по моему скромному декольте, скользнул по обнаженной шее и остановился на губах, отчего внутри меня будто сжалась пружина. Как же он меня раздражает! И пугает одновременно.

— То есть вы готовы отказать в наличии ума лично мне?

— О чем вы, уважаемая? Вы только что доказали обратное.

— Мэд Лорн, вы говорите загадками. И мне сложно отгадывать их, учитывая, что местный менталитет мне незнаком, как, впрочем, и вы сами.

— Какие уж тут загадки! Я говорю о хани.

— Ах да. — Пришла моя очередь пренебрежительно усмехаться, но у меня это получилось весьма натянуто. — Наслышана о том, что большинство обитателей академии нас терпеть не может.

— Правда?

— Впрочем, и воочию убедиться тоже была возможность. — Я рукой обвела вокруг себя. — Многие студенты даже не скрывают своего негативного отношения. Вот только непо-

нятно, за что подобная немилость.

— Сами вы не догадываетесь? Несмотря на... как вы выразились?.. крупицу здравомыслия.

— Зависть? — нехотя предположила я. Разговор становился все более неприятным, но прервать его и уйти было выше моих сил. Я чувствовала, блондин знает нечто важное для меня и даже готов поделиться.

— Чувшь! Кто в здравом уме будет завидовать несчастной попаданке, не сумевшей даже в собственном мире найти места? — легко отмахнулся он от моей версии.

— Быть может, зависть появляется из-за того, что несчастная попаданка вдруг становится почитаемой и лелеемой мэдьё, капризы которой исполняются по первому требованию? — выдала я версию, сама в нее не веря. — У кого-то, к примеру, появились сомнения в заслуженности подобных почестей...

— О нет. Почести вполне оправданны.

— Тогда... — На самом деле я не столько затруднялась найти причину неприязни, сколько не желала ее озвучивать. Для Лорна же подобных моральных преград не существовало.

— А быть может, вас недолюбливают из-за того, что беденькие и несчастненькие хани, попав в чужой мир, принимают подчеркнутое поклонение как естественное, начинают наглеть и принижать окружающих? Или виновата наигранная беспомощность и перекладывание ответственности

за собственную жизнь на вызвавших их мэдов?

— Но разве у мужчины не возникает ответственности перед женщиной, которую он по собственному прихоти вырвал из привычного мира в свой, незнакомый, чужой? — возразила я.

— Мне показалось, ты отличаешься от других, — неожиданно перешел на «ты» блондин. — Но нет, ошибся. Так же, как и прочие хани, готова бравировать положением жертвы. Тогда послушай. Уверен, ты уже в курсе, что сюда могут попасть только те, кто оказался ненужным в своем мире. То есть рано или поздно он выбросил бы тебя, но неизвестно в какие дали. У нас на Гзоне попаданцам позволяют устроиться с комфортом, и в каждой стране даже есть собственная программа по переселенцам, а вот что творится в других мирах... Кто знает? Можешь с уверенностью сказать, что тебе было бы гораздо комфортнее где-то еще? На досуге подумай. Всего хорошего.

Он поднялся и ушел, больше ни разу не взглянув на меня. А я сидела будто оплеванная. Конечно, Лорн прав, указывая на излишнюю наглость и гонор хани, но я подобным не увлекаюсь! Или просто не замечала за собой? В любом случае он сказал это таким тоном...

И это странное попаданство... Жутко думать о том, что я оказалась ненужной собственному миру, но еще страшнее представить, где могла бы оказаться, не вылови меня Грэхх своим ритуалом. Мне действительно невероятно повезло! И

с миром, и с суженым. До чего же я удачливая!

Тоска по Грэхху новой волной затопила меня. И я поспешила переключить внимание на книги. Если верить мэд Нерасиу, подобной библиотеки нет во всей стране, а значит, вряд ли мне еще посчастливится держать в руках столь ценные печатные издания. Не буду упускать счастливой возможности.

Когда я оторвалась от чтения, за окном уже стояла непроглядная тьма. Выйдя из своего закутка и обнаружив, что народу в зале значительно поубавилось, поняла, что пора возвращаться в апартаменты Грэхха. Вот только как?

Я огляделась, пытаюсь вспомнить, с какой стороны меня привел мэд Нерасиу, и тут взгляд наткнулся на всем понятный и до боли знакомый светящийся указатель — «Выход». Ориентируясь на него, я легко нашла стойку библиотекаря и широко распахнутые двери.

— Вы сегодня аккурат к ужину, мэдью, — прокомментировал мое появление из-за стеллажей мэд Нерасиу.

— Правда? — поразилась я собственному чувству времени и порадовалась: — Просто замечательно! А то я расстроилась, что заставила Альву волноваться.

Библиотекарь вежливо улыбнулся.

— Да и вас не хотелось бы задерживать, мэд Нерасиу. Его вытянутое лицо стало еще длиннее.

— Меня? Каким образом?

— Вам ведь тоже нужно ужинать, отдыхать. Кстати, мэд

Нерасиу, скажите, пожалуйста, в какое время работает библиотека?

— Круглосуточно, — важно отозвался мужчина, гордо поправляя рукой жидкие волосы.

— Не может быть! — ахнула я. — А как же сон, и приемы пищи, и просто отдых?

— Я работаю днем, а ночью библиотека прекрасно справляется и без меня. Проконсультировать только некому, помочь с выбором книг. А так, если у кого бессонница, могут в любой момент прийти, почитать.

— И я могу?

— У такой молодой мэдью бывает бессонница? — На высоком лбу прорезались дополнительные морщины. Неужели беспокоится обо мне?

— Нет-нет, — поспешила заверить мужчину, — я просто так спросила. Вдруг приду, а вас нет на месте.

— В таком случае вам следует взять свой читательский билет. — Словно фокусник мэд Нерасиу вынул из воздуха небольшую металлическую пластину и вручил мне. — Он укажет на книги, которые вы в прошлый раз выбрали, но не дочитали.

— Спасибо огромное! — От радости я запрыгала на месте, чем вызвала снисходительную, но добрую улыбку на лице строгого библиотекаря.

Радость-то какая! Библиотека, полная интереснейших книг, в моем распоряжении! А еще новые приятные знако-

мые вроде мэда Нерасиу и Альвы, ну и конечно Грэхх стали для меня отрадой в этом мире. Я летела по гулким коридорам замка, любя в этот момент буквально все вокруг. Счастье искрилось во мне, переполняло, рискуя вылиться и затопить окружающих сладким розовым сиропом. Кто бы мог подумать, что всего через час из-за обычного разговора по душам с Альвой мое отношение к замку и его обитателям резко изменится.

Глава 5

Я вернулась ровно к тому моменту, когда Альва накрыла на стол. После ужина девочка уговорила меня принять ванну. Пока она наливала воду и колдовала над пеной, я, пристроившись рядышком на табурете, рассказала о стычке с блондином в библиотеке.

— Вот скажи честно, я тебя хоть раз обидела? — спросила я, с затаенным страхом ожидая утвердительного ответа.

— Конечно нет, — отозвалась девочка, не отвлекаясь от дела. — Но ты не единственная здесь хани. Каждый год появляются новые, и почти все ведут себя не самым лучшим образом. Шутка ли, были никому не нужными в своем мире, а тут на тебе, статус чуть ли не святыни! Немудрено и зарваться, даже если раньше и не отмечалось в характере стремления помыкать окружающими. Много лет студентам, препода-

давателям, прислуге приходится наблюдать за важничающими капризулями. Но я думаю, не о том мэд Лорн говорил с тобой.

— А о чем? Что судьбу нужно благодарить, попав сюда? Так я и благодарю. И если слова про ненужных в своем мире людей — правда...

— Я верю, что правда, — вставила Альва, — слышала, как студенты разговаривали о попаданцах, которые сами по себе, без специального ритуала оказывались в других странах Гзона. И везде к ним относятся по-разному. Старые маги утверждают, будто миров множество. А значит, можно попасть в любой.

— Тогда нам повезло, что мы попали именно сюда! Во всяком случае мне так точно!

Не получив ответа, взглянула на копошащуюся в корзине с разноцветными пузырьками девочку. Голова так сильно опущена, что лица не видно.

— А ты как думаешь? — не выдержала я наступившего молчания.

— Возможно, — односложно отозвалась она.

— Тебе было хорошо на Земле до того, как вызвали сюда?

— Не очень, — пролепетала Альва. — Скорее даже нет. Я из семьи... Про таких говорят... В общем, мои родители...

И девочка, не договорив, разрыдалась. Вскочив с табурета, я бросилась к ней и заключила в объятия.

— Ну что ты, — растерянно бормотала я, не зная, как

утешить, нежно поглаживая ее голову и худенькие плечи. — Не нужно. Я поняла. Семья неблагополучная. Тебе жилось нелегко. Но ведь сейчас все хорошо?

— Наверное... — всхлипывала Альва.

— Давай я помогу тебе умыться.

Впрочем, она справилась сама. Моя помощь заключалась лишь в том, чтобы включить холодную воду из крана и в конце подать полотенце.

После того как девочка умылась и успокоилась, она грустно улыбнулась, принимая мои неловкие извинения, и продолжила соединять волшебные эликсиры для ванны. Тонкие красивые руки ловко открывали нужные пузырьки и капали в воду мерцающую загадочную жидкость. С каждой каплей в ванне происходили удивительные изменения — пена росла на глазах, становилась объемной и одуряюще душистой.

Больше ни о чем я спрашивать не собиралась, но Альва заговорила сама:

— Мне иногда приходит в голову вопрос, как бы сложилась жизнь, не приди я сюда. Ведь в своем мире у меня будущего точно не было. Чуть больше года назад я стала подумывать о... самом страшном.

— Не может быть! — ахнула я. — Ты ведь и жизни-то еще не видала.

— Ну как сказать... Хорошей не видала, а вот грязи вдвойне нахлебалась.

— Почему же тогда ты не рада, что здесь очутилась?

— Я не то чтобы не рада... Конечно, делить комнату с несколькими девушками намного приятнее, нежели каждую ночь прятаться в кладовке, лишь бы не попасться на глаза родителям или их приятелям. Стабильная работа, сытая жизнь и уверенность в будущем лучше голодного существования и знания, что рано или поздно тебя изнасилуют какие-нибудь уроды в пьяном или наркотическом угаре. Перемены со мной произошли хорошие, это да.

— Так в чем же дело? — не могла я понять, к чему клонит Альва.

— Эту сытую и спокойную жизнь счастливой не назовешь. — Она немного помолчала прежде, чем признаться: — У меня здесь никогда не будет семьи или ребенка. А именно в большой и дружной семье я вижу для себя счастье.

— При переходе появляется бесплодие?

Несколько минут Альва пыталась вникнуть в сказанное мной, а потом горько усмехнулась:

— Дело не в переходе.

— В чем же?

— Посмотри сама, кто нас окружает. Я имею в виду мужчин. Кто?

— Студенты и преподаватели.

— Первые — сыночки богатых и влиятельных родителей, которые ни за что не допустят свадьбы с прислугой. Вторых мало, в основном старые, и женщинами не особо интересуются. Вот и остается кувыраться в постели с теми, кому не

хватает женской ласки. Но к беременности эти отношения не приведут — академия зачарована от подобных... проблем.

— А за пределами академии разве попаданцев на работу не берут?

— Не знаю. Я не была нигде. Вдруг там намного хуже, чем здесь? Из академии могут выйти лишь одаренные, как, впрочем, и зайти, поэтому даже слухов о жизни вне замка никаких нет.

— Но я слышала, что некоторые учителя и лучшие выпускники, вызвавшие хани, способны провести...

— Способны. Но разве эти снобы пошевелият хоть пальцем ради кого-то, кроме себя любимых?

— Грэхх не такой, — встрепенулась я.

— Не знаю, — пожалала плечиками Альва, — возможно, не такой. Будущее покажет.

— Послушай, — решила я, — когда мы с Грэххом будем отсюда уезжать, то и тебя заберем, хочешь?

— Не думаю, — чуть улыбнулась девочка.

— Но почему же?

— Давай после новогоднего бала об этом поговорим?

— Хорошо, — не стала я давить. Не к спеху, пообщаемся позже. Заодно и мнение Грэхха по этому поводу узнаю.

Дальше мы с Альвой перебрасывались односложными фразами. Не потому, что между нами возникло отчуждение или неприязнь, просто после разговора обоим хотелось побыть наедине со своими мыслями. Как только девочка закон-

чила колдовать над ванной, я отпустила ее, велев отдохнуть и вернуться ко мне к завтраку. Сама же погрузилась в нежную пену и теплую воду. Но отдых получило лишь тело, на душе было пакостно.

Пытаясь найти точку опоры после неприятного общения с Лорном, я невольно затронула тему, о которой, как выяснилось, ничего не хотела знать. Существование в этом мире других попаданок с Земли. Нет, пришельцам из иных миров тоже наверняка несладко приходилось, но их менталитет мне чужд, а потому и искреннего сочувствия та же Белоснежка не вызывала. А вот жизнь в академии Альвы, Ольги, Глафиры, Марии и мамы Лены мне сейчас казалась беспросветной и тоскливой. Стены старинного замка уже не будили жгучего любопытства и восторга, ассоциируясь отныне с тюрьмой, с той лишь разницей, что на волю иномирянки не особо стремятся, страшась неизвестности.

М-да. Не тем я заняла голову в попытке отвлечься от жестокой тоски по Грэхху. Не тем. Зло ударив по пенной воде ладонью, я заметила что-то странное, а приблизив руку к лицу, вздрогнула. На фаланге пальца, где ранее было кольцо, красовалась серебристая татуировка. Незнакомые символы таинственно поблескивали при свете магических шаров.

Что это?!

Я принялась усердно оттирать рисунок, но он, как назло, сверкал все ярче на расцарапанной мной и покрасневшей коже.

Что же происходит?! Мое волнение разыгралось не на шутку. Я принялась вспоминать, видела ли тату на пальцах других хани, однако в подобном взбудораженном состоянии мне это никак не удавалось. Да смотрела ли я вообще на чужие руки? Вряд ли.

Наскоро вытеревшись полотенцем, я выскочила из ванной и столкнулась с Грэххом. Мне показалось или он действительно пытался покинуть собственные апартаменты незамеченным, крадась к двери на цыпочках?

— Ясмина! — радостно воскликнул он, заметив меня. — А я был уверен, что ты давно спишь. Вот, зашел переодеться. Не хотел тебя беспокоить, но ты, оказывается, еще и не ложилась?

От сердца сразу отлегло. Конечно, показалось. Ну как я могла что-то недостойное подумать про Грэхха? Зачем ему красться в собственных покоях? Только чтобы не потревожить меня...

— Да... в общем... ванну принимала, — пролепетала я, мигом растерявшись в его присутствии, чем вызвала довольную улыбку на красивом лице.

— Я так рад видеть тебя, — промурлыкал он и прикоснулся мягкими губами к тыльной стороне моей ладони.

И мы дружно уставились на татуировку.

— Не знаю, куда делось кольцо, — принялась оправдываться я, — вроде было-было, а потом раз — и исчезло. И вот теперь татуировка. Не смывается совсем. Я правда ниче-

го не делала!

Грэхх заключил меня в объятия и успокаивающе прошептал на ухо:

— Все хорошо, рыбонька, не нужно волноваться. Это магия. Знак того, что наш мир принял тебя. Сняв кольцо, ты могла нечаянно оказаться в любом из миров, но теперь подобного не случится.

Меня окатило кипятком страха. В любом из миров? А раньше предупредить нельзя было? Меня столько раз склоняли снять колечко!

Грэхх коснулся губами моего виска, и возмущение испарилось. Когда ему думать еще и обо мне? Сессия же. Как только бедненький ноги таскает! Вон, никак похудел даже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.